

Анна Политковская

Путинская Россия

Анна Политковская

Путинская Россия

Политковская А.

Путинская Россия / А. Политковская —

Книга Анны Политковской «Путинская Россия» (PUTIN'S RUSSIA) была впервые издана в Великобритании в 2004 году. Позже книга была переведена на многие языки и издана в Соединенных Штатах Америки, Дании, Финляндии, во Франции, в Германии, Голландии, Италии, Японии, Норвегии, Испании и Швеции.

Содержание

Часть первая. Армия моей страны	6
Часть вторая. Наше новейшее средневековье, или Военные преступники Всяя Руси	21
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Политковская

Путинская Россия

Книга Анны Политковской «Путинская Россия» (PUTIN'S RUSSIA) была впервые издана в Великобритании в 2004 году.

Позже книга была переведена на многие языки и издана в Соединенных Штатах Америки, Дании, Финляндии, во Франции, в Германии, Голландии, Италии, Японии, Норвегии, Испании и Швеции.

«Новая Газета» публикует книгу с согласия родственников Анны Политковской.

Все права на публикацию принадлежат семье Анны.

Часть первая. Армия моей страны

Армия у нас – это совершенно закрытая зона. Все равно, что тюрьма. Собственно, это и есть тюрьма, просто названа другим словом. И в армию, и в тюрьму не может вступить нога ни одного человека, которого не «захотело» военное (тюремное) начальство. Отсюда сложилась традиция, что жизнь любого в армии – это путь раба.

Конечно, мы тут не оригиналы – в любой стране армия стремится к закрытости, и именно это, похоже, дает нам основания говорить о генералах как о едином международном племени людском с общепланетарными характерологическими особенностями, вне зависимости от того, президенту какого государства служит тот или иной генерал.

Однако в России есть свои специфические армейские, а точнее, особенности армейско-гражданских отношений. Они состоят в том, что в России отсутствует хоть какой-то гражданский контроль за действиями военных. Солдат, как низшая каста армейской структуры, есть никто, зеро, и только так. За бетонными стенами воинских частей любой офицер может делать с солдатом абсолютно все, что этому офицеру в данный момент в голову взбредет. Точно так же, как и старший офицер может сделать с младшим своим коллегой все, что ему нравится.

Наверное, у вас на языке уже вопрос: мол, не все же так плохо? Точнее, все не может ведь быть так плохо?...

Действительно, не все. Это сложившееся положение вещей меняется в лучшую сторону лишь в том случае, когда в армейской структуре вдруг появляется конкретный человек с гуманитарными наклонностями и начинает их демонстрировать, призывая к порядку подчиненных... Только так, методом ЛИЧНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ, а не общественно урегулированных взаимоотношений мы имеем в армии хоть какой-то свет в конце тоннеля. В целом же система закрытая и рабская.

«Ну а как же ваши вожди?» – опять спросите вы. Которые по совместительству президенты и верховные главнокомандующие – персоны 1 в армии? И поэтому, персонально отвечают за положение дел в ней?...

Занимая место в Кремле, наши вожди (президенты) соревнуются не в том, как покончить с отвратительными традициями и как способствовать принятию законов, ограничивающих беспредел в армии, а скорее, наоборот, – в том, как дать армии еще большую власть над подчиненными людьми. И вот в зависимости от этого – дает вождь или не дает – армия то ли поддерживает этого конкретного вождя, или противодействует ему. Попытки гуманизировать армию имели место единственно при Ельцине – на фоне всеобщего стремления к демократическим свободам. Но быстро прекратились – власть у нас традиционно дороже спасенных солдатских жизней. И под напором возмущенного Генерального штаба Ельцин пал на милость генералитету.

Теперь, при Путине, и этих попыток нет. Более того, при нынешнем президенте, который сам офицер, их не может быть по определению. Только лишь слегка обозначившись на российском политическом горизонте в качестве вероятного главы государства, а не в должности непопулярного директора ненавидимой почти всем народом ФСБ, Владимир Владимирович стал высказываться в том духе, что армия, униженная при Ельцине (имелись в виду как раз те самые худосочные попытки ограничения армейской анархии), у нас отныне будет повсеместно возрождаться и единственное, чего ей не хватает для полного и окончательного ренессанса, так это войны, второй чеченской войны... Все, что потом произошло у нас на Северном Кавказе, объясняется именно этой изначальной посылкой Путина: когда началась вторая чеченская война, армии позволили делать в Чечне все, что хочется, – и она дружно проголосовала за Путина на президентских выборах 2000 года.

Почти нет сомнений, что проголосует и во второй раз – в 2004 году. Нынешняя война на Кавказе стала крайне выгодной и прибыльной во всех смыслах – там люди быстро получают чины, ордена, куются стремительные карьеры, молодые «боевые» генералы открывают для себя путь в политику – в ряды политической элиты. А Путин сейчас уже подкатывается к стране со следующим предвыборным лозунгом: о возрождении армии как свершившемся факте, о том, что он, Путин, помог армии, ранее оскорбленной (при Ельцине) и побежденной в первой чеченской войне, встать с колен...

О том, как он действительно ей «помог», я и расскажу дальше несколько историй. Ну а вы уж сами сделаете выводы, прикинув ситуацию на себя: хотели бы лично вы жить в ТАКОЙ стране и исправно платить налоги на ПОДОБНУЮ армию? И считали бы вы возможным, чтобы ВАШИ сыновья, достигнув

18-летия (срок призыва), превратились в армейский «человеческий материал», как это у нас принято называть? Могла бы вас устроить армия, где каждую неделю солдаты массово дезертируют – иногда целыми взводами, а время от времени и поротно? Бегут прочь, лишь бы сохранить свои жизни? Армия, где не на войне, а ТОЛЬКО ОТ ПОБОЕВ и за один 2002-й год погиб целый батальон – больше 500 человек?... Где офицеры воруют все – от 10-рублевков у солдат, присланных родителями, до танковых колонн у государства? Где старшие офицеры ненавидят младших офицеров и тоже бьют их, как хотят и когда хотят? А младшие офицеры спускают свою накопившуюся против старших офицеров ненависть на солдат? Где офицеры дружно, вместе ненавидят солдатских матерей за то, что те временами – не очень часто, большинство у нас боится, но все-таки иногда, когда обстоятельства гибели уж совсем вопиющие, – возмущаются тем, что их сыновей убили, и требуют справедливого возмездия?...

История первая

Седьмой или № У-729343 – Забытый на поле боя

На календаре – 18 ноября 2002 года. Нина Ивановна Левурда, бывшая (теперь на пенсии) школьная учительница русского языка и литературы с 25-летним стажем, грузная, усталая и немолодая женщина с букетом тяжелых болезней – опять, в который уже раз за последний год, выстаивает часы ожидания в подчеркнуто-неуютном судебном предбаннике Пресненского межмуниципального столичного суда.

Деваться Нине Ивановне некуда. Она – мама без сына. И, что самое главное, без правды о сыне. Павел Левурда, старший лейтенант, 1975 года рождения, или, согласно специальной армейской калькуляции, № У-729343, погиб в Чечне почти два года назад, в начале второй чеченской войны. Той самой, где армия, по Путину, возрождалась. Как это возрождение происходило – в истории последних месяцев жизни и смерти У-729343-го номера. Где даже не сам факт смерти – наши матери привыкли ко всему, и даже к смертям своих детей – а обстоятельства, при которых она произошла и которые последовали за нее, заставляют Нину Ивановну вот уже одиннадцать месяцев подряд ходить по судебным инстанциям. Ходить с одной-единственной целью – пытаться добиться от государства юридически точного ответа на вопрос: почему ее сына просто-напросто забыли на поле боя? И за что уже ее, мать забытого на поле боя бойца, потом, после гибели сына, так жестоко мучило Министерство нашей беспощадной к людям обороны?

...Павел Левурда хотел быть военным. Он мечтал об армейской карьере с детства – нельзя сказать, что сегодня это уж очень распространенное явление, скорее все наоборот: мальчики из бедных семей, не способных заплатить за высшее образование своих детей, действительно,

стремятся поступить в военные училища, но это для того, чтобы получить диплом и тут же уволиться, имея в руках специальность, – и именно этим, тотальной бедностью желающих иметь образование, а не подъемом престижа армии во времена правления Путина объясняются такие явления, как, с одной стороны, постоянные бравадные официальные рапорты администрации президента о растущих конкурсах в военные институты (что сущая правда), но также, с другой стороны, наглухо умалчиваемая властью, совершенно не афишируемая информация о катастрофическом некомплекте младших офицеров в частях (младшие офицеры, окончив училища, просто не доезжают до гарнизонов, куда получили распределения, «тяжело заболевают» по дороге, «делают» справки о неожиданной инвалидности, что вполне возможно в такой коррумпированной стране, как наша).

Но Павел был другим, особенным – он хотел быть именно офицером. Родители его отговаривали, потому что знали, как это несладко: Петр Левурда, отец Павла – сам офицер, и семья всю жизнь моталась по дальним гарнизонам и сельским полигонам.

К тому же все это было в начале 90-х, и в стране, вслед за империей, все стремительно разваливалось, и только сумасшедший – так тогда считалось – решался пойти после школы в военное училище, где в то время даже кормить курсантов было нечем...

Павел настоял на своем. И уехал в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище. В 1996 году он стал офицером и попал служить сначала под Петербург, а потом, в 98-м, и вовсе в самое пекло – в 58-ю армию.

У 58-й армии у нас – дурная слава. Именно она – во многом символ разложения Вооруженных сил страны. Конечно, все это произошло не только в связи с правлением Путина, а гораздо раньше. Однако на Путине лежит огромная ответственность, во-первых, за полную офицерскую анархию, дозволенную в войсках, и, во-вторых, за фактическое придание офицерам статуса «государственно-неприкосновенных» – их практически не отдают под суд, какие бы преступления ими ни были совершены, они безнаказанны.

58-я армия, куда попал Левурда, – это еще к тому же и так называемая армия генерала Владимира Шаманова, Героя России и участника двух чеченских войн, где прославился он особенной жестокостью по отношению к гражданскому населению. Теперь генерал Шаманов в отставке, уволился и стал губернатором Ульяновской области, использовав вторую чеченскую войну, когда он не сходил с телеэкранов, ежедневно объясняя стране, что «все чеченцы – бандиты» и поэтому подлежат уничтожению, и всячески поддержанный за это Путиным – использовав войну в качестве трамплина в своей политической карьере.

Боевые подразделения 58-й армии, штаб которой дислоцируется во Владикавказе (столица соседней с Чечней и Ингушетией Республики Северная Осетия-Алания), воевали и в первую чеченскую войну, воюют и сейчас. Офицерский корпус 58-й, вслед за своим генералом, прославился особенной жестокостью по отношению как к людям Чечни, так и к собственным солдатам и младшим офицерам. Архив Ростовского комитета солдатских матерей (Ростов-на-Дону – базовый, штабной город Северо-Кавказского военного округа, в который входит 58-я армия) состоит в основном из дел, связанных с дезертирством рядовых от офицерских побоев именно из 58-й. Ну а, кроме этого, «славится» это воинское подразделение наглым воровством (боеприпасов с собственных военных складов) да предательством, поставленным на поток (продажей ворованного у самих себя оружия полевым командирам сил чеченского сопротивления, то есть действиями против «своих»).

Лично знаю многих молодых офицеров, которые делали все от них возможное, только чтобы не оказываться на службе в 58-й армии. А вот Левурда решил по-другому. Он оставался в строю, писал тяжелые письма, приезжал в отпуск домой, и родители замечали: сын все мрачнее и мрачнее... Однако, когда те умоляли его уволиться, говорил просто: «Раз надо, значит, надо». Сегодня можно уверенно сказать, что Павел Левурда был одним из тех, о ком власть могла бы с уверенностью сказать: вот уж этот молодой наш гражданин с его особым, обостренным

чувством долга перед Родиной и представлением о патриотизме, – он и есть наша надежда на действительное, а не по-путински, возрождение лучших военных традиций, офицерской чести и достоинства.

Однако власть сказала совсем другое...

В 2000 году Павел Левурда опять получает шанс отказаться и не ехать ни на какой Северный Кавказ воевать – и мало кто бы его осудил тогда, в 2000-м, вопреки расхожей теперь государственной пропаганде многие молодые офицеры, не желая ехать на войну, искали возможности избежать этого. Опять же – «делали» всяческие справки, «находили» в своем организме признаки неожиданной «инвалидности», вступали в фиктивные браки с женщинами, у которых уже было двое детей, и это давало право избежать назначения.

Но... Так уж сложились обстоятельства – Павлу Левурде стало неудобно бросать своих солдат (так он объяснял родителям) – их отправляли на войну, а он должен был крутиться, обманывать, химичить, чтобы остаться и уцелеть...

И – Павел своим шансом выжить не воспользовался. 13 января 2000 года он отбыл на войну. Сначала из Брянска (из очередного отпуска, там жили тогда его родители) – в Подмоскowie, в 15-й гвардейский мотострелковый полк 2-й гвардейской (Таманской) дивизии (в/ч 73881). А потом и дальше: 15 января Нина Ивановна в последний раз слышала голос сына в телефонной трубке, он позвонил и сообщил, что подписал специальный контракт для отбытия в Чечню и...

В общем, было понятно, что значит это мерзкое «и».

– Я плакала, уговаривала отказаться, – рассказывает Нина Ивановна. – Но Паша сказал, что все уже решил, обратной дороги нет. Я попросила свою племянницу, которая живет в Москве, срочно съездить в Таманскую дивизию, встретиться с ним, попытаться отговорить... Но когда племянница приехала в часть, то оказалось, что разминулась с Пашей всего в несколько часов – он уже улетел военным бортом в Моздок...¹

Итак, 18 января 2000 года У-729343-й, будучи погружен на самолет вместе с другими такими же «номерами», оказался в Чечне.

«Сейчас я нахожусь под Грозным на юго-западной окраине... – Это строки из письма Паши родителям. Первого и единственного письма с войны, и оно датировано 24 января 2000 года. – Город блокирован со всех сторон, и в нем идут серьезные бои... Стрельба не прекращается ни на минуту. Город горит постоянно, небо все черное – иногда прямо рядом может упасть мина или какой-нибудь истребитель пустит под ухо ракету. Артиллерия – та вообще не умолкает... Потери в батальоне ужасные. В моей роте вообще всех офицеров повыбивало... До меня командир моего взвода подорвался на нашей же растяжке с гранатой. А мой командир роты, когда я прибыл к нему, неудачно взял свой автомат и пустил очередь в землю в сантиметрах от меня. Чудом не попал. Все потом смеялись: «Паша, до тебя пять командиров взвода было, а ты и пяти минут мог бы здесь не продержаться!». Народ здесь хороший, но психически неустойчивый. Офицеры – контрактные, но солдаты, за исключением единиц, молодые, держатся. Спим вместе в палатке, на земле. Вшей – море. Питаемся каким-то дерьмом. Иначе никак. Что ждет нас впереди – неизвестно. Либо наступление неизвестно куда; либо сидение на одном и том же месте, пока не сдуреем; либо выведут отсюда на фиг в Москву... Либо черт знает что... Я не болею, но охватывает дикая тоска... Все, пока. Обнимаю, целую. Паша».

Трудно такое письмо назвать способным успокоить родителей... Однако на войне быстро пропадают ориентиры мирной жизни, человеческий мозг их просто отшвыривает – иначе, наверное, сойдешь с ума, и ты перестаешь понимать, чем можно успокоить, а чем шокировать того, кто далеко от войны, потому что ты шокирован во сто крат больше, и ты запутываешься...

---

¹ Моздок – маленький городок в Северной Осетии на границе с Чечней. В начале войны здесь располагалась главная военная база Объединенной группировки сил и войск, задействованных в «антитеррористической операции». – Прим. Авт.

Как станет известно позже, Паша был, действительно, уверен, что именно такое письмо должно сыграть роль валерьянки для его родителей... Потому что ничего он, на самом деле, не ждал, лежа в палатке, а, по крайней мере с 21 января, принимал участие в этих самых «серьезных боях», приняв сначала командование гранатометным взводом, а потом, очень вскоре, и всей ротой (офицеров «повыбивало», как он писал, и исполнять обязанности командиров было просто некому).

И был он при этом не только «на окраине» Грозного, который, согласно письму, «горит постоянно» где-то в стороне...

Дальше – язык официального документа: 19 февраля, помогая выходить из окружения батальонным разведгруппам и «прикрывая отход своих товарищей» (цитата из наградного листа – представление к ордену Мужества) из селения Ушкалой Итум-Калинского района, старший лейтенант Левурда был тяжело ранен и скончался «от массивной кровопотери вследствие множественных огнестрельных пулевых ранений»...

Итак, значит, Ушкалой. Зимой 2000 года там была самая трудная война: в горных лесах, на узких тропах – отчаянная партизанская война. Однако это пояснение – лишь для общего понимания ситуации. Нина Ивановна, мама, думала в ту пору по-другому: раз «скончался», то где же тело? Что похоронить? И ведь должно быть оно, тело, где-то?

Но никакого гроба с останками сына домой, к семье Левурды, не пришло. С этого и началась новая полоса мучительной жизни Нины Ивановны – ее собственное расследование с целью разыскать останки любимого сына, потерянные государством, которому ее сын так отчаянно-верно старался служить...

Вот что выяснила мать, превратившись одновременно и в военного прокурора, и в следователя. 19 февраля, в день официальной гибели ее сына, те «товарищи», которых он прикрывал ценою собственной жизни, действительно отошли... А вот Пашу, ее Пашу, вместе еще с другими семью бойцами, прорывавшими окружение для выживших, они просто оставили на месте тяжелого боя. Когда их оставляли, большинство были еще тогда ранеными, но живыми. Они умоляли о помощи, кричали, просили не оставлять – так об этом бое и его последствиях позже свидетельствовали жители этого далекого горного селения Ушкалой. Многие происходило на их глазах, кого-то из раненых они сами перевязали, но не более того. В Ушкалое нет никакой больницы, нет своего врача и даже медсестры...

Война, как известно, – это место, где не всегда случаются подвиги и человек способен на одно лишь благородство. Сначала Павла Левурду оставили на поле боя. А потом – еще и забыли, что его тело там лежит и что есть семья, которая это тело ждет.

Те, кто выжил в том бою, просто выкинули из головы тех, кто погиб ради того, чтобы они выжили.

Необходимое пояснение: то, что произошло с Павлом Левурдой после смерти, типично для нашей армии. В этом позорном эпизоде – суть наших подходов. В армии человек – ничто. И еще в армии отсутствует четкая система контроля и ответственности перед семьями военнослужащих. В армии в этом смысле – полный хаос. И везет только тем, у кого есть вышестоящий командир, ЛИЧНЫЕ качества которого не позволяют ЗАБЫТЬ бойцов на поле боя.

...Вспомнили о Левурде только почти через неделю после его смерти. 24 февраля, когда, согласно официальной информации Главного военного штаба в Чечне (а это было более позднее вранье штаба, рассчитанное только на то, чтобы доказать в суде, куда обратилась позже мать с иском о возмещении нанесенного ей Министерством обороны морального вреда, что «не было объективной возможности» забрать тело ее сына), Ушкалой был полностью освобожден «от боевиков», селение «перешло под контроль» федералов...

Хорошо, пусть так... Но и 24 февраля военные подобрали в Ушкалое тела только шести из семи прорывавших окружение! Подобрали – и уехали. А седьмого – нет. Этим «седьмым» и был Левурда. Не найдя его, они опять забыли про него...

Мать дома билась в истерике. То единственное письмо, напомним, пришло к ней 7 февраля, и с тех пор ничего – ни весточек, ни сына, ни информации, ни ответов на вопросы. Даром что Министерство обороны отсылало всех подобных на свою «горячую линию», это мало что меняло, с тамошними дежурными офицерами – все равно как с компьютером поговорить о своем неумолимо надвигающемся горе. «Старший лейтенант Левурда Павел Петрович в списках погибших и пропавших без вести не значится», – вот что они отвечали, и все. Ни слова сверх того.

Такие «исчерпывающие» тексты с «горячей линии» слушала Нина Ивановна несколько месяцев подряд. Самое гадкое в том, что даже тогда, когда она самостоятельно нашла Пашины останки. В самый последний раз мать позвонила в Министерство обороны, на «горячую линию» – не поверите – 25 августа, через полгода с момента официального уведомления о смерти и уже после того, как нашла и опознала, без всякой помощи полка, Пашино – «седьмое», тело, и, значит, отцы-командиры все пребывали и пребывали в своей «забывчивости», и потому информацию в центральный аппарат не обновляли...

Впрочем, по порядку. 20 мая, через три месяца после тех боев, сотрудники временного отдела внутренних дел Итум-Калинского района (местная милиция) обнаружили в Ушкалое «захоронение, в котором находился труп мужчины с признаками насильственной смерти». Так они зафиксировали в своем протоколе.

Однако, как уж там все получилось – наверное, виновата опять же наша извечная, равнодушная к человеческой судьбе, преступная суета, – и только 6 июля, спустя еще полтора месяца ежедневных звонков Нины Ивановна и на «горячую линию», и в местный военкомат, итум-калинские милиционеры наконец написали специальную на этот случай бумагу на поиск – «ориентировку-задание № 464», что-де у них в мае обнаружен труп с такими-то признаками.

19 июля «ориентировка» наконец дошла до Брянского уголовного розыска – потому что Павел уезжал на войну из последнего отпуска именно из Брянска, и Нина Ивановна, бросаясь во все возможные инстанции, подала официальное заявление на розыск без вести пропавшего сына (он таковым же стал числиться) именно в брянскую милицию. И 2 августа (когда даже с момента обнаружения тела в Ушкалое прошло уже два с половиной месяца) домой к Пашиным родителям пришел обычный милиционер из обычного районного отдела милиции – оперуполномоченный Абрамочкин.

Дома была одна 14-летняя девочка – внучка Нины Ивановны, племянница Павла, дочка его старшей сестры Лены. Милиционер Абрамочкин что-то расспрашивал у нее о Паше, выяснял, какие вещи у него были с собой, и, наконец, был очень сильно удивлен, что попал в семью военнослужащего... Оказалось, он был уверен, что речь идет просто о парне, который неизвестно зачем подался в Чечню и там погиб...

Когда девочка объяснила, что их Паша – офицер, официально попавший в зону «анти-террористической операции», что их известили о его гибели, но тела не прислали и что уже несколько месяцев они совсем ничего не знают о нем и не понимают, как им быть дальше...

Именно рядовой оперуполномоченный Абрамочкин, которому «спустили» это рядовое для милиции расследование «по неизвестному трупу», – а не Министерство обороны в любом своем лице, в конце концов и сообщил матери геройски погибшего офицера, что с 19 февраля Павел Петрович Левурда официально числится пропавшим без вести, а с 20 февраля – снятым со всех видов довольствия в воинской части № 73881 (результат милицейского расследования)... И он, милиционер, только потому этим занимается, что его коллеги нашли в Ушкалое труп военнослужащего с признаками, похожими на признаки числящегося без вести пропавшим старшего лейтенанта, согласно заявлению Нины Ивановны, но не запросу Министерства обороны! И те, итум-калинские милиционеры, попросили его, Абрамочкина, сходить к родителям в Брянске и узнать (!) «адрес постоянной дислокации воинской части № 73881,

в которой проходил службу Левурда П.П.», чтобы связаться с ее командиром для выяснения всех обстоятельств гибели человека, по описанию матери похожего на их офицера...

То, что в кавычках, – цитаты из официальной переписки с Ниной Ивановной. Однако это и детали, характеризующие как армейские реалии, так и суть той войны, которую ведет у нас на Кавказе ТАКАЯ армия, какую мы имеем при Путине. В этой армии правая военная рука никогда не знает, чем занята левая, и легче письменно, а значит очень долго, спрашивать у родителей, которые за тридевять земель, чем докричаться до главного штаба в Ханкале (военная база под Грозным), где найти командира Таманской дивизии – вроде бы раз плюнуть...

Милиционер Абрамочкин, видя состояние, в котором находится семья, искренне посоветовал Нине Ивановне не ждать у моря погоды и быстрее ехать в Ростов-на-Дону – он уже узнал к тому времени, что останки «неизвестного военнослужащего» из Ушкалоя перевезли как неопознанные в главный военный морг в Ростове-на-Дону – к известному в России полковнику Владимиру Щербакову, начальнику 124-й военной судебно-медицинской лаборатории, занимающейся опознанием неизвестных. Но! Занимается этим полковник Щербаков – и это очень важно – не по заданию командиров, генералов, главного штаба, а по собственному ЛИЧНОМУ душевному расположению и ЛИЧНОЙ убежденности – видя глаза несчастных матерей, которые приезжают со всей страны в Ростов-на-Дону в поисках своих потерянных сыновей-военнослужащих.

Абрамочкин посоветовал также все же не нервничать загодя, потому что «все ведь у нас бывает», как это говорят в России, имея в виду путаницу с трупами. Тем временем к истории семьи Левурды подключился Брянский комитет солдатских матерей, и только так – через Абрамочкина, сходявшего к Нине Ивановне, и брянских солдатских матерей – 15-й очень гвардейский полк и совсем уж гвардейская Таманская дивизия наконец-то узнали, что седьмое, забытое «товарищами» тело, возможно, есть тело Павла Левурды...

– 20 августа мы приехали в Ростов, – рассказывает Нина Ивановна. – Я сразу пошла в лабораторию. Вход туда не охраняется. Я вошла. Свернула в первый попавшийся по дороге кабинет судмедэксперта, и я увидела, что на его рабочем столе стоит на канделябрах голова, отделенная от тела. Точнее, череп. Но я сразу поняла, что это Пашина голова... Хотя рядом стояли другие черепа.

Можно ли хоть как-то оценить или восполнить тот моральный урон, который понесла мать?

Конечно, нет. И еще, кто спорит – работа у судмедэкспертов такая, что черепа у них стоят на столах и всякий может с улицы зайти...

Но все же... Мы все более становимся нацией людей без затей – простецкой, не чувствующей тонкостей и поэтому аморальной...

Ну, а тут как раз к матери, которую только что отпоили таблетками после встречи с Пашиным черепом (позже этот сразу узнанный матерью череп действительно оказался Пашиным), и подлетел так называемый «представитель части», также прибывший в Ростов. Это Абрамочкин узнал у родителей адрес части, телеграфировал туда, командир снарядил в Ростов «представителя» для улаживания формальностей...

В руках у «представителя» было «извещение». Нина Ивановна посмотрела в бумагу и – как на тот череп в кабинете судмедэксперта – упала в долгий обморок. «Извещение» представляло собой бумагу, в которой гвардии подполковник А. Драгунов, и о. командира воинской части № 73881, и такой же гвардии подполковник А. Початенко, начальник штаба той же части, просили (неизвестно кого) официально известить «гр. Левурда», что «их сын..., выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб в бою». Это воинская часть пыталась замести следы своей преступной «забывчивости».

Придя в себя, Нина Ивановна внимательно прочитала «извещение» – это «погиб в бою». И увидела, что в документе нет никакого числа – когда, собственно, погиб ее сын...

– А как же быть с датой? – спросила Нина Ивановна «представителя».

– Да сами и впишите, какую хотите, – ответил он ей просто.

– Как это – «впишите»? – выкрикнула Нина Ивановна. – Я родила Пашу в тот день, когда родила, – и это день его рождения. И я имею права знать день его смерти – я хочу знать, когда же он погиб!

«Представитель» развел руками: мол, ничего не знаю, мне лишь приказали обменяться бумагами, а ничего не обсуждать... И сунул матери в руки еще и выписку из приказа по строевой части об исключении «старшего лейтенанта из списков полка» – и тоже без всякой даты, причин и прочего, но с печатями и подписями внизу. И, опять на голубом глазу, попросил Нину Ивановну все это собственноручно заполнить и передать по возвращении домой в районный военный комиссариат, чтобы Пашу там сняли с воинского учета.

Нина Ивановна уже молчала. Что можно объяснять человеку, у которого нет ни души, ни сердца, ни ума.

– Но, согласитесь, так же – проще?... Мне далеко будет ехать в Брянск, в военкомат... – полувопросительно продолжал «представитель».

Конечно, проще. И не поспоришь: действительно, просто БЫТЬ ПРОСТЫМ, без затей. Как наш нынешний министр обороны Сергей Иванов, ближайший товарищ президента еще со времен работы Путина в ФСБ Санкт-Петербурга: еженедельно по телевизору Иванов озвучивает для страны военные послания президента, где тон Иванова обычно, как у Геббельса на киноплёнке времен Второй мировой войны, и Иванов говорит, что никто не заставит нас «встать на колени перед террористами», что собирается он продолжать войну в Чечне до какого-то там «победного конца»... Но НИКОГДА не услышать от министра Иванова ни слова о судьбах тех самых людей, солдат и офицеров, которые, собственно, и обеспечивают ему и президенту возможность выглядеть «не вставшими на колени перед террористами». Вектор развития нынешней власти совершенно несоветский: нет людей – а есть винтики, обязанные беспрекословно воплощать в жизнь политические авантюры тех, кто присвоил власть, и у этих «винтиков» нет права ни на что, включая достойную смерть.

Куда сложнее БЫТЬ НЕПРОСТЫМ. Для меня это означает видеть не только «генеральную линию партии и правительства», но и подробности ее реализации. Подробности же таковы: 31 августа 2000 года № У-729343-й наконец-то был похоронен в городе Иваново. Ростовские судмедэксперты отдали Нине Ивановне ту самую Пашиную голову – других останков, собственно, и не оказалось.

Почему хоронить решили в Иваново? Потому что семья навсегда уехала из ставшего теперь очень тяжким для них Брянска – поближе к старшей дочери, живущей в Иваново.

Сегодня Нина Ивановна – человек, известный в России. Потому что, предав земле останки сына, с таким трудом выданные у государства, уже на девятый день после похорон Нина Ивановна собралась в дорогу – в тот самый 15-й полк Таманской дивизии, в его штаб в Подмосковье. Сначала, отправляясь из Иваново, она хотела одного – посмотреть в глаза Пашиным командирам, увидеть там хотя бы раскаяние перед матерью за то, что «забыли».

– Я, конечно, не надеялась на извинения... – говорит Нина Ивановна. – Но хотя бы сочувствие и раскаяние в глазах...

Однако в Таманской дивизии с матерью никто не захотел даже поговорить. Командир был недосыпаем: рано утром, днем и поздно вечером. Нина Ивановна трое суток сидела на проходной, ожидая встречи с ним – без еды, чая, сна, внимания. Старшие офицеры туда-сюда пробегали мимо нее, как тараканы, делая вид, что не замечают... Именно там, на проходной, Нина Ивановна Левурда и приняла решение подать в суд на государство – этим она стала известна в России, – вчинив иск Министерству обороны и его руководителю министру Иванову по совокупности причиненных ей моральных страданий. Причем не в связи со смертью сына – он погиб, выполняя воинский долг. А в связи с тем, что случилось после его смерти.

Суть требований матери, если перевести со сложного процессуального на обычный язык, в следующем: она хочет ответа на несколько вопросов. Почему полк оставил тело ее сына на поле боя? Почему не искал? Почему ничего не сообщил ей о его судьбе? Почему она сама должна была искать? И кто персонально несет за это ответственность?...

Что было потом? Во-первых, орден Мужества – награду сына Нине Ивановне вручили в Ивановском областном военкомате. Во-вторых, месть. Министерство обороны и Таманская дивизия встали на тропу войны с матерью погибшего лейтенанта, посмевавшей открыто возмутиться их поведением. В ее ходе Нину Ивановну подвергли пыткой моральным «Путин-газом», применив к ней дозу с той же целью, что и к террористам, – сломить волю, «поставить на место», чтобы другим неповадно было.

Это выразилось в следующем. Почти что за год прошло восемь судебных заседаний (первое – 26 декабря 2001 года, последнее – 18 ноября 2002-го), и все – без всякого результата. К сути иска Нины Ивановны суд даже не приступил – представители Министерства обороны заседания игнорировали, будучи уверены в своей полной безнаказанности. И они были правы: сначала дело «Нина Левурда против государства» попало к судье Тюленеву (Пресненский межмуниципальный суд Москвы, по месту юридического адреса Министерства обороны), и тот решил, что мать «не имеет права на информацию» о теле собственного сына, а значит, Министерство обороны не должно было ей эту информацию предоставлять. И... Нина Ивановна пошла в Московский городской суд, и там, ввиду полной абсурдности решения, дело вернули в тот же Пресненский суд, на новое разбирательство, которое стало новой порцией пыток государственной машины против матери, потерявшей сына: массовые прогулы судебных заседаний официальными представителями министра Иванова, командования Сухопутных войск, в состав которых входят Таманская дивизия и 15-й полк. Они просто не являлись на назначенные слушания – нагло и настырно. Брала мать измором. Или осадой. А она – все ездила и ждала... Всякий раз. Туда-сюда из Иванова – и утыкалась в пустоту на скамейке ответчиков. И уезжала ни с чем. Простая пенсионерка – с уровнем нашего отечественного господобия по старости, рассчитанного только на то, чтобы не умереть с голоду, с мужем, смертельно запившим после Пашиных похорон и так и оказавшимся не способным выйти из этого страдательного пике...

В конце концов не выдержала судья Болонина (судья также Пресненского районного суда, к которой попало дело из Московского городского суда). Наконец, на восьмом заседании без ответчиков она оштрафовала Министерство обороны на 8 тысяч рублей. Естественно, в пользу госказны и из госказны. Жаль, что не из кармана министра Иванова и не в пользу матери. Подобное просто не предусмотрено – законодательство у нас на стороне не слабой жертвы, а власти, и без того сильной. 18 ноября 2002 года, после штрафа, представители министерства наконец-таки появились в Пресненском суде, но были они какие-то странные – ничего не знали о деле, не понимали сути и, отказываясь представляться, жаловались на хаос в своем ведомстве, который во всем-то и виновен... И? И суд опять был перенесен – на сей раз на 2 декабря.

...Нина Ивановна плакала, стоя в уютном судебном коридоре.

– Ну за что? – говорила она. – Можно подумать, это не они у меня сына забрали? Не они надо мной издевались?...

Как я завидую Сергею Иванову, министру нашей безжалостной к народу обороны. Ему так просто живется. Он не видит «деталей». Главная из которых – глаза матерей, потерявших сыновей на той «войне с международным терроризмом», на тему которой он, министр, так любит поговорить, доказывая лояльность к Путину. Он не слышит голоса матерей – они далеко от него. Он не чувствует их боли. Он ничего не знает о жизнях, которые поломал. О тысячах отцов и матерей, брошенных СИСТЕМОЙ после того, как их дети отдали за нее жизни.

«Путин не может отвечать за все!» – кричат у нас те, кто любит президента.

Конечно, не может. Он как президент отвечает за методологию. За подходы. Формирует их. Такая уж у нас традиция: кто наверху, тому и подражают.

И его методология по армейскому вопросу – как раз вышеописанная. Другой нет. Он неоднократно уже подписался под тем, что согласен с подобными рядовыми историями – а они именно **РЯДОВЫЕ** истории, – происходящими в нашей армии. А раз подписался, значит, ответствен за методологию жестокости и непримиримости, насаждаемую и в армии, и в государстве. Потому что жестокость – тяжелейшая инфекция, склонная к пандемии. Она не бывает одноразовой. Начинали с жителей Чечни и, хотя многим казалось, что на них и закончится, но продолжили на «своих», как это принято теперь «патриотично» выражаться. Включая тех «своих», кто как раз-то и «патриотично» воевал с теми, с кого начинали, и только наивный мог рассчитывать на что-то другое.

– Ну да, случилось... Ну да, он погиб... Сделал свой выбор и шел своей дорогой, – говорит Нина Ивановна, отирая слезы на лице. Мимо идет судья Болонина в мантии с непроницаемым лицом. – Но вы же люди...

Люди?

Я часто думаю: человек ли Путин вообще? Или железная мерзлая статуя? Думаю и не нахожу ответа, что человек.

История вторая

54 солдата, или Эмиграция домой

Эмиграция – это такое место, куда бегут, когда дальнейшее пребывание на родине грозит смертью либо широкомасштабным наступлением государства на твою честь и достоинство. 8 сентября 2002 года именно это и случилось в Российской армии. 54 солдата ушли из армии в эмиграцию.

Было это так. На окраине деревни Прудбой Волгоградской области располагается учебный полигон 20-й гвардейской мотострелковой дивизии. Как-то из городка Камышина тоже Волгоградской области, с места постоянной дислокации войсковой части 20004, на полигон в Прудбой пригнали личный состав 2-го дивизиона.

Цель была благая – чему-то научиться. В роли учителей должны были, естественно, выступать офицеры – отцы-командиры. Но 8 сентября эти самые «отцы» – подполковник Колесников, майор Ширяев, майор Артемьев, старший лейтенант Кадиев, старший лейтенант Коростылев, старший лейтенант Кобец и лейтенант Пеков взяли на себя совершенно не свойственные офицерскому уровню функции дознавателей. На построении солдатам было объявлено, что сейчас будет разбирательство на тему: кто ночью угнал с полигона БРДМ – боевую разведывательно-десантную машину?

При этом, как позже уверяли солдаты, БРДМ никто и не угонял – она продолжала себе стоять в дивизионном парке. Просто офицерам было скучно, они пили на полигоне уже который день, чувствовали себя, видимо, уже очень плохо от этого перепоя – и просто решили покуражиться. Собственно, подобное и раньше часто случалось на Камышинском, печальной славы, военном полигоне.

После построения с объявлением о разбирательстве в штабную палатку завели первую партию солдат – сержантов Кутузова и Крутова, рядовых Генералова, Гурского и Гриценко. Остальным было велено дожидаться своей очереди рядом, и очень скоро оставшийся на свободе личный состав услышал крики и стоны сослуживцев. Офицеры их попросту пытали. Вскоре первую партию вышвырнули из штабной палатки. Солдаты рассказали товарищам о том, как вышеперечисленные «отцы»-командиры лупили их черенками саперных лопат по ягодицам и спинам, а ногами – по животам и ребрам.

Собственно, слова были лишние. Следы пыток на солдатских телах действовали сильнее любых рассказов.

Затем офицеры объявили перерыв. Подполковник, два майора, три старших лейтенанта и один лейтенант объявили для себя обед, сообщив остальному рядовому личному составу, что после принятия ими пищи каждый, кто добровольно не признается в угоне БРДМ, будет точно так же избит, как те, кто теперь лежал на траве рядом со штабной палаткой.

С этим объявлением офицеры отбыли откусать суп.

А солдаты? Ушли... Взбунтовались, не пожелав быть овцами, ожидающими заклания. Они оставили на полигоне только тех, кто был в наряде, – для его охраны (оставление поста влечет уголовное наказание, суд и дисциплинарный батальон), а также избитых Кутузова, Крутова, Генералова и Гриценко, которые идти просто не могли.

Построившись в колонну, солдаты ушли с полигона в сторону Волгограда. Звать на помощь.

Но до города там недалеко – почти 180 километров. И все это расстояние 54 солдата прошли организованно, строем, ни от кого не скрываясь, по обочине оживленного шоссе, по которому туда-сюда проезжали в том числе и офицеры 20-й дивизии. И НИ ОДНА из машин не остановилась... НИ ОДИН из офицеров не подумал, что надо бы спросить: а что, собственно, случилось?... Куда идете? И без офицера, что не по военному уставу?... Ни один.

Так солдаты шли по шоссе до наступления темноты. На ночлег устроились в лесополосе, прямо у шоссе, не прячась. И все повторилось снова – ни одна офицерская душа их не искала... Несмотря на главное: отобедавшие подполковник, два майора, три старших лейтенанта и один лейтенант, выйдя из столовой, обнаружили свой 2-й дивизион сильно поредевшим. Им почти НЕКЕМ БЫЛО КОМАНДОВАТЬ...

Однако офицеры СПОКОЙНО ЛЕГЛИ СПАТЬ. Не зная, где их солдаты, за которых, в соответствии с законом, они несут полную персональную ответственность. Но отлично зная, что нет в нашей стране офицера, которого бы наказали за солдата...

Рано утром 9 сентября 54 солдата снова двинулись в путь. Пешком. Вдоль шоссе. Снова ни от кого не скрываясь. Опять мимо ехали военные на машинах. И НИКТО... (читай выше).

Отряд уважающих собственное достоинство был в дороге полутора суток, и НИКТО ИЗ 20-й ДИВИЗИИ ИХ НЕ ХВАТИЛСЯ. Вечером 9 сентября они вошли в Волгоград. И тоже совсем не тайно. Их видела милиция, охраняющая город. И снова – они НИКОГО НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ. Ни один офицер не поинтересовался, куда солдаты путь держат... Вечером...

Так, строем, солдаты дошли до центра города.

– Около шести часов вечера, а мы уже собирались уходить, вдруг звонок по телефону: «Вы работаете? Можно зайти?» – рассказывает Татьяна Зозуленко, руководитель Волгоградской областной правозащитной организации родителей военнослужащих «Материнское право». – Я ответила: «Заходите». Но, конечно, никак не ожидала подобного. Через несколько минут в маленькую комнатку нашей организации вошли четыре солдатика и сказали, что их 54. Я спросила: «А где остальные?». И ребята провели меня в подвальчик нашего же дома – остальные стояли тут, в подвальчике. Я работаю в организации 11 лет, но такого за это время еще не видела. Первое, что мелькнуло в голове: «А где их размещать? Вечер уже...». А первое, что мы спросили: «Вы ели?». Они ответили: «Нет, со вчерашнего дня». Наши женщины сбегали за хлебом и молоком, принесли, сколько могли. Ребята набросились на еду, как собаки голодные. Но к этому мы привыкли: кормят в частях очень плохо, солдаты хронически недоедают. Когда они поели, я спросила: «Что вы хотите вашим поступком?». Они ответили: «Чтобы наказали офицеров, которые избивают солдат». Потом решили так: на ночевку устроим их прямо у нас, в «Материнском праве», вповалку, на полу, потому что утро вечера мудренее. А рано утром пойдём в гарнизонную прокуратуру. Я заперла дверь, пошла домой – я живу рядом, думала, если надо, быстро приду. В 11 вечера позвонила им – и никто не взял трубку. Я подумала:

«Просто устали, спят. Или боятся брать трубку». В два ночи меня разбудил наш юрист Сергей Семушин. Он сказал, что неизвестные люди позвонили ему и попросили «принять помещение». Через несколько минут я была на месте. Вокруг стояли военные «бобики», в них – какие-то офицеры. Они не представились. А солдат уже не было. Я спросила у офицеров, где они, ответа не последовало.

Кроме того, сотрудники «Материнского права» обнаружили взломанной и раскуроченной свою компьютерную сеть с информацией о воинских преступлениях в 20-й дивизии. А также под ковриком – солдатскую записку. Просто о том, что их куда-то увозят, бьют, и они просят о помощи...

Остается добавить немного. Офицеры на полигоне хватились своих солдат, только когда им позвонили «сверху». Это произошло поздно вечером 9 сентября, когда Татьяна Зозуленко связалась с волгоградскими журналистами и первая информация об ушедших солдатах пошла в радиоэфир. Штаб округа, естественно, потребовал у офицеров объяснений, вот те и обнаружили «недостачу»...

Ночью к «Материнскому праву» подогнали машины и всех 54 увезли на гауптвахту в военную комендатуру. А потом обратно – в часть. Под надзор тех самых офицеров, от побоев которых солдаты ушли с полигона. Татьяна Зозуленко спросила волгоградского гарнизонного прокурора Чернова (его обязанность – следить за правоохранительной ситуацией в частях гарнизона), зачем же он «так поступил». И тот ответил прямо: «Потому что это НАШИ солдаты».

Это ключевая фраза истории «54-х». «НАШИ солдаты» означает «наши рабы». Никакого другого смысла прокурорская фраза не несет. У нас все остается по-прежнему: извращенно трактуемое понятие «офицерской чести», которую вечно требуется защищать, всегда оказывается выше, чем жизнь и достоинство солдатское. В марш-броске с Камышинского полигона мы имеем дело, во-первых, с неискоренимой отвратительной армейской традицией, что СОЛДАТ – ОФИЦЕРСКИЙ РАБ, офицер всегда прав и может делать с солдатом все, что хочется. И, во-вторых, с тем, что гражданский контроль над армейскими структурами, об обязательном установлении которого много говорили в ельцинские годы и был даже написан соответствующий законопроект, теперь похороненный в связи с тем, что президент Путин, как человек сугубо советский и военный и, значит, разделяющий первую главную армейскую посылку, считает его совершенно не нужным Российским вооруженным силам.

Заметьте важную деталь: суть истории заключается в том, что вся 20-я дивизия (так называемая Рохлинская, потому что раньше ею командовал герой первой чеченской войны, ныне застреленный депутат Государственной Думы Лев Рохлин), а особенно воинская часть № 20004 – давно имя нарицательное и в Волгограде, и в Северо-Кавказском военном округе, и в России.

– Целый год мы отправляли в военную прокуратуру – прежде всего, господину Чернову, гарнизонному прокурору, и далее – всем по иерархии выше, вплоть до Главной военной прокуратуры в Москве – информацию о преступлениях, совершаемых офицерами части № 20004, – говорит Татьяна Зозуленко. – Часть № 20004 по количеству солдатских обращений к нам – на первом месте. Офицеры бьют подчиненных, вымогают у солдат, вернувшихся из Чечни (20-я дивизия – воюющая как в первую, так и во вторую чеченскую войну, воюющая до сих пор), деньги, так называемые «боевые»... Мы не говорили об этом – мы просто кричали! И ничего... Прокуратура заняла позицию замалчивания всего, что творится. Мы считаем следующее: то, что случилось на Камышинском полигоне, – закономерный итог полной офицерской безнаказанности.

Конечно, у нас в стране есть военный бюджет, и много споров вокруг этого. Есть военное лобби – оно борется за новые инвестиции и заказы, оплаченные из государственного бюджета. Все, как везде. И об этом писать неинтересно, потому что одинаково международно-унифицированно... Да, забыла очень важное, отличающее нас от других: у нас есть производство и

торговля оружием по всему миру, все-таки мы – страна, давшая миру автомат Калашникова, и многие у нас этим гордятся.

Но мне не хочется забивать ваши головы цифрами наших милитаристских экономических достижений. Мой взгляд другой: чувствуют ли себя люди счастливыми при том порядке, который установил президент Путин? Считаю это главной оценкой деятельности руководителя государства. И вот, пытаясь ответить на этот вопрос, я иду в Комитет солдатских матерей и спрашиваю женщин, которые туда приходят: «Ваши дети были счастливы, попав в армию? Они действительно стали там настоящими мужчинами?». И так я узнаю совсем другую армию...

Несколько коротких историй

Деталь – важнее образа. Подробность – характернее целого. По крайней мере, для меня.

...Мишу Николаева, жителя Московской области, проводили в армию в июле 2001 года. Попал он служить в пограничные войска, на далекую от столицы (10 часов лета) погранзаставу у поселка Горячий Пляж на острове Анучина Малой Курильской гряды – той самой, за которую так отчаянно спорят российские и японские политики со времен Второй мировой войны.

Пока идут споры, кому-то надо эту границу охранять. Миша стал одним из таких. И продержался на дальневосточной заставе полгода – 22 декабря 2001 года он умер. Но тревожные письма пошли домой уже осенью, когда Миша обнаружил на своем теле гнойные язвы. Он просил: «Пришлите медикаменты: мазь Вишневского, стрептоцид, ну, короче, все средства против гниения, анальгин, зеленку, бинт, по возможности лейкопластырь... Тут ничего нет». Родители безропотно отправляли посылки, сознавая, что армия у нас бедная, и в то же время думая, что, наверное, не все так страшно, потому что Миша ведь продолжает работать... поваром на кухне! А если бы он был тяжело болен, полагали родители, кто бы его близко пустил к котлам с пищей...

Однако с множественными гнойными поражениями кожи он продолжал варить обеды для всех. Когда патологоанатом сделал посмертное вскрытие Мишиного тела, он констатировал, что ткани несчастного буквально расплзлись под скальпелем – в начале XXI века солдат заживо сгнил на глазах у офицеров, не получив НИКАКОЙ медицинской помощи. Ничто не спасло Мишу от офицеров, которым ни до чего нет дела...

...Дмитрий Киселев попал служить в подмосковный поселок Истра – это считается у нас большой удачей. Рядом Москва, и родители-москвичи всегда могли приехать и навестить сына, прорваться к командиру, если бы требовалась помощь, – не Курильская гряда. Однако и это не спасло Диму. На сей раз – от развращенных офицеров.

Подполковник Александр Бороненков, командир воинской части, где оказался солдат Киселев, имел приработок на стороне – у него был свой маленький бизнес помимо офицерства. Обычное, кстати, дело теперь в нашей армии – кто-то что-то кумекает на стороне, поскольку жалованье невысокое. Однако бизнес этого конкретного подполковника был рабовладельческий – он продавал своих солдат хозяевам близлежащих участков земли (поселок Истра – дачный) в качестве дешевой рабочей силы. Там они работали только за обед, а деньги получал командир Бороненков. Метод зарабатывания денег этим конкретным подполковником – не уникален и не им изобретен. В армии это развито: солдат продают богатым людям «насовсем» – на все время службы, в бесплатные работники, то есть в рабство. Ими (их бесплатным трудом) расплачиваются с «нужными» людьми. Например, нужно офицеру машину починить, а денег нет, вот он и пригоняет в автосервис солдатиков, а те там бесплатно работают на автомастеров, сколько те захотят, и за это ремонтируется машина офицера. Солдат, наконец, дают «взаймы». Самое распространенное явление – использование подневольных бесправных солдат в своем собственном офицерском хозяйстве.

Вот так в конце июня 2002 года настала очередь идти в рабы и для новобранца Димы Киселева. Солдата отправили строить дом некоему господину Карабутову в садовое товарищество «Мир», расположенное тут же, в Истринском районе. Сначала, действительно, Дима

строил дом. Потом вместе с семьёю другими солдатами-рабами Дима должен был рыть глубокую траншею вдоль участка. 2 июля, в семь часов вечера, грунт в вырытой траншее обрушился, троих ребят завалило, а Дима, один из них, задохнулся под слоем земли. Подполковника Бороненкова родители пытались привлечь к суду, но он отвертелся – у него было много «нужных» людей. А Дима был единственным сыном...

...28 августа 2002 года в воинской части № 42839, расквартированной в Чечне, неподалеку от станицы Калиновской – это там, где боевые действия давно не идут, – пьянствовали «деды». «Деда» – это солдаты, которым вот-вот увольняться в запас, и самая страшная, убийная сила нашей армии. Вечером «дедам» показалось, что водки маловато, и они послали первого подвернувшегося им под руку солдата Юрия Дьяченко в станицу – «где хочешь, достать еще». Солдат отказался. Во-первых, в этот момент он стоял на посту, охраняя часть по периметру, и уходить не имел права. Во-вторых, у него не было денег, он это объяснил, но «деды» потребовали, чтобы рядовой что-нибудь своровал в станице и таким образом нашел им водку.

Однако Юра сказал твердо: «Нет. Не пойду». Дальше его очень долго и сильно били. До пяти утра. В перерывах между побоями «деды» унижали его жестоко и низко. Например, макали половую тряпку в туалетную «дыру» с нечистотами – и вытирали потом ею Юрино лицо... Заставили мыть пол, и, когда он наклонялся, по очереди били в область заднего прохода палкой от швабры... В заключение сеанса «воспитания» (так они это называли) «деды» потащили Юру в столовую и заставили съесть бачок каши объемом в три литра, не разрешая – побоями – останавливаться.

Где были офицеры? В эту ночь они тоже пьянствовали и физически не могли ни на что обратить внимания. 29 августа, около шести часов, Юру Дьяченко обнаружили в углу продовольственного склада. Он повесился...

...Сибирь – это не Чечня, это очень далеко от нее и от войны. Но и это дела не меняет. Валерий Путинцев, парень родом из Тюменской области, попал служить в Красноярский край, в районный городок Ужуру, в элитные части Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Его мама, Светлана Путинцева, очень обрадовалась: считается, что в ракетных частях самые высокообразованные офицеры, которые не пьют, солдат не бьют и поддерживают дисциплину, поскольку имеют отношение к самому современному и опасному оружию. Но вскоре от сына стали приходиться тяжкие письма, в них он не называл офицеров иначе, как «шакалами».

«Здравствуй, мама! Это письмо, кроме тебя, никому в руки попасть не должно. Особенно, пожалуйста, убереги мною написанное от бабули. Думаю, мы с тобою друг друга хорошо поняли, и ты не допустишь, чтобы бабуля трепала себе последнее здоровье, – я очень переживаю за нее... Я до сих пор не могу смириться с тем, что служу рабом для блага мне ненавистных. Я просто больше жизни хочу работать во благо своих, поднимать семью, цену которой понял лишь здесь...».

Валерию не удастся «работать во благо своих». В ужурских казармах царил полный офицерский беспредел. Лейтенанты грабили солдат до нитки, измывались над теми, кто пытался защитить свое достоинство, – таким был и Валера. За полгода, которые он пробыл в части, из нее ушло четыре гроба – все солдатские. И все в гробах – умершие от побоев.

Прежде всего офицеры забрали у Валеры форму (а ничего, кроме формы, у нашего солдата в армии нет – любая другая одежда отсутствует) и сказали, что теперь он должен ее у них «выкупить». Естественно, написав домой и попросив «срочно» выслать денег. Валера сопротивлялся, как мог, – он знал, что мать, живущая очень скромно вместе с бабушкой-пенсионеркой, сестрой и ее маленькой дочкой, ему не может выслать денег. За это его много и сильно били. Наступил момент, и Валера огрызнулся, дал отпор – и тогда его отправили на гауптвахту за неповиновение и там имитировали побег, тяжело ранив при этом... Светлана, мать, занервничала, позвонила командиру части – подполковнику Бутову. И тот ее «успокоил», сказав, что умеет бить так, чтобы не оставлять следов... Светлана бросила все и срочно прилетела в Ужур.

И застала сына умирающим. Оказалось, он получил огнестрельные ранения органов малого таза, мочевого пузыря, мочеточников, бедренной артерии... В госпитале Светлане сказали: «Ищите кровь для переливания. Срочно. У нас крови нет». Это значит надо найти доноров... Но как? В чужом городе, одна... Она бросилась в воинскую часть: «Помогите!», а командир отказал. Она носилась по городу, пытаясь сделать еще что-то для сына, но не успела... И ее мальчик, не дождавшись крови, умер 27 февраля 2002 года.

В одном из последних писем Валера писал Светлане, будто предвидел: «Я не очень рассчитывал на их «офицерскую» помощь. Они способны лишь на несправедливые унижения...».

...Опять Подмоскowie. Поселок Балашиха. Воинская часть № 13815. Утро 4 мая 2002 года. Две работницы котельной, дающей тепло в эту часть, слышат крики о помощи где-то неподалеку от них. Они выскакивают во двор и видят, что посередине вырыта траншея, в которую по шею закопан солдат. Он-то и зовет добрых людей на помощь. Женщины откопали солдата, разрезали веревку, которой были связаны его руки и ноги, и помогли выбраться из ямы.

Тут-то и появился разъяренный майор Александр Симакин. Он закричал на женщин: мол, не трогайте, это он так воспитывает солдата Чеснокова, и если они, женщины, не уйдут обратно в котельную, то он «их уволит».

Солдат Чесноков, выбравшись из ямы, убежал из части...

***P.S.** Армия в России – один из традиционно основных государственных институтов – продолжает оставаться типичным лагерем за колючей проволокой для бессудно заточенных туда молодых граждан страны. С соответствующими, подчеркнута тюремными, правилами общежития, насаждаемыми офицерами. Где «мочить в сортире» (первый, при восшествии на кремлевский престол, провозглашенный Путиным лозунг борьбы с внутренними врагами) – главный метод воспитания.*

Возможно, это нравится нашему нынешнему президенту, у которого подполковничьи погоны и две дочери дома, которым не придется служить в такой армии. Но всем нам (кроме офицерского сословия, прекрасно себя чувствующего в роли паханов-беспредельщиков) от этого очень плохо. Особенно тем, у кого родились сыновья. Тем более тем, у кого они достигли призывного возраста, и, значит, совсем нет времени дожидаться армейских реформ, так давно обещанных обществу и традиционно пробуксовывающих. И эти сыновья рискуют уйти от нас прямиком либо на Камышинский полигон, либо в Чечню, либо еще куда-то, откуда дороги нет.

Часть вторая. Наше новейшее средневековье, или Военные преступники Всея Руси

В России есть два типа современных военных преступников – чьи деяния связаны со второй чеченской войной, начавшейся в августе 1999 года. Как раз тогда ж Владимир Путин был назначен президентом Ельциным премьер-министром страны. Война длилась все время первого президентского срока Путина и не прекратилась до сих пор.

Дела о военных преступлениях имеют одну сходную черту – все они идеологические. Как говорится, «закон отдыхает». Те, кто осужден, получили свои приговоры не в соответствии с юридической процедурой, основанной на законах, а следуя порывам идеологических ветров, которые дули из Кремля на момент их осуждения.

Итак, первый тип – сюда входят военные преступники, которые действительно воевали. С одной стороны, из числа федеральных военнослужащих, участвовавших в так называемой «антитеррористической операции» в Чечне. С другой стороны, боевики – те, с кем воевали федералы. Первых отмывали от преступлений. Вторым юридически неряшливо натягивали преступления. Первых правосудие (прокуратура и суд), даже при наличии доказательств вины (а это тоже большая редкость, когда прокуратура даже собирала против них доказательства), выводило из-под удара. Вторых втаскивало под самый жесткий из возможных приговор.

Самый известный «федеральный» пример – дело полковника Буданова, командира 160-го танкового полка Министерства обороны России, 26 марта 2000 года (в день выборов президента Путина) похитившего, изнасиловавшего и убившего 18-летнюю чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву, жившую в родительском доме в селении Танги-Чу, на окраине которого был временно дислоцирован полк командира Буданова.

Самый известный пример осужденного военного преступника-боевика – Салман Радуев. Радуев – один из знаменитых чеченских полевых командиров, бригадный генерал, совершавший террористические рейды еще с первой чеченской войны, командующий так называемой «Армией генерала Дудаева» – был пойман в 2001 году, осужден к пожизненному заключению и при невыясненных обстоятельствах погиб в Соликамской тюрьме для особо опасных преступников (Соликамск – известный «тюремный» город на Урале, в Пермской области, где находятся соляные копи, место традиционной ссылки для многих поколений людей еще с царских времен). Радуев также – символ непримиримого бойца, сражавшегося за чеченскую свободу от России. Судебных дел, подобных радуевскому, очень немного, и, как правило, их рассматривали в закрытых процессах, пряча информацию от общества, хотя, зачем именно так поступали, непонятно; и впоследствии, изредка и тайно, можно было с большим трудом ознакомиться с материалами уголовных дел на боевиков, и, оказывалось, что они также идеологические, но только со знаком «наоборот». То есть, не заботясь о доказательствах, им приписывали преступления, следуя принципу: «надо осудить», и, что ни предьяви, ничего оспорено не будет.

Таким образом, вся первая категория военных преступников не прошла настоящей юридической процедуры. И это самый главный результат. После вынесения приговоров чеченские боевики недолго жили в далеких колониях и тюрьмах. Они погибали при неизвестных обстоятельствах – их «убирали» по желанию власти, в чем уверены, как показывали социологические опросы, даже те люди в России, которые поддерживают усилия правительства и президента, ведущих войну в Чечне, поскольку у нас практически никто не верит в непредвзятость отечественного правосудия и верят в его политическую ангажированность.

Второй тип – это военные преступники, «кто оказался рядом». Случайные люди, попавшие под колесо истории. Не воевали, но чеченцы, и «нужно» было осудить. Типичный при-

мер – дело Ислама Хасуханова. В его деле – все, как в 37-м году. Будто Сталин жив, и ЧК действует. Выбитые показания, пытки, применение психотропных средств с целью сломить волю. Именно этим адским путем прошли большинство чеченцев, которые попали в застенки не только ФСБ, но и других силовых структур, беспредельничавших в Чечне, где пытаются у кадыровцев (отряд последователей Ахмат-Хаджи Кадырова, марионеточного промосковского главы администрации Чечни), пытаются в военных комендатурах, пытаются в ямах при воинских частях, в следственных изоляторах при отделах милиции...

Руководит и направляет эту работу ФСБ. Люди Путина. Под патронажем Путина. Выполняя желание Путина.

Часть первая. Сталин с нами навсегда

Ислам Хасуханов: «... У меня четырнадцать переломов ребер, один осколок ушел в почку, проломлен череп, перебиты руки... не думаю, что я выживу».

ДОСЬЕ

Хасуханов Ислам Шейх-Ахмедович – родился в 1954 г. в Киргизии. С 1973 г. – в армии. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. С 1978 г. – на Балтийском флоте. С 1989 г. – на Тихоокеанском флоте. Офицер-подводник с военной академией за плечами – элита флота. В 1991 г. окончил Военно-политическую академию им. Ленина в Москве. Уволился в запас в 1998 г. в чине капитана первого (высшего) ранга с должности заместителя командира большой атомной подводной лодки «Б 251». С 1998 г. жил в Грозном. Был начальником военной инспекции при правительстве Аслана Масхадова и начальником его оперативного штаба. Женат, имеет двоих сыновей. Вторая жена – племянница Аслана Масхадова, дочь его старшего брата. Не воевал ни в первую, ни во вторую чеченскую войну. Не скрывался от властей. Жил по собственному паспорту. Был арестован 20 апреля 2002 года в районном центре Шали спецподразделениями ФСБ как «международный террорист» и «один из организаторов незаконных вооруженных формирований». Осужден Верховным судом Республики Северная Осетия-Алания к 12 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Предыстория суда

Что творится с человеком, когда его хватает современная ФСБ? Не тот ЧК, что в 37-м, из страшных книжек, из солженицынского ГУЛАГа, а современная, наших дней, благосостояние которой обеспечивается налогоплательщиками.

Об этом в России теперь много разговоров и страхов. Никто ничего не знает, но все всего бояться, как это было раньше. И тоже, как и прежде, при советской системе, лишь очень редко что-то выходит наружу. Дело Хасуханова – именно такой случай. Только узнав все его кошмарные детали, ты понимаешь шокирующий смысл последнего слова подсудимого Ислама Хасуханова, сказанного перед тем, как был вынесен приговор: «На сентябрь 2000 года я во многом был не согласен с Масхадовым и не скрывал это от него, я видел другие решения... Но сейчас, после того, что испытал, я с ним согласен».

...Согласно материалам уголовного дела № 56/17, Ислам Хасуханов был задержан в чеченском райцентре Шали, на улице Маяковского, 27 апреля 2002 года, за «хранение и ношение оружия». Статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть, должно быть... это самое оружие...

Но вооруженные люди в масках, как это обычно бывает в Чечне, ворвались тогда на рассвете в дом родственников Хасуханова, где он жил с семьей, и утащили его неизвестно куда, даже не подбросив ему оружия, а своего у Хасуханова не было. Федеральные спецподразделе-

ния, промышляющие в Чечне в поисках «международных террористов», давно уже полностью уверенные в собственной вседозволенности, на сей раз действовали по наводке информатора и шли наверняка «брат» одного из «руководителей незаконных вооруженных формирований» (НВФ – устойчивая аббревиатура в воюющей России), участь которого была запрограммирована – умереть... И поэтому никакого пистолета или автомата в качестве вещественного доказательства ни в одном процессуальном документе этого дела так и не зафиксировано. Но...

Статья осталась – 222-я. Впрочем, как и само фальшивое число, когда его уволокли из семьи – «27 апреля». На самом деле Хасуханова арестовали еще 20 апреля, и это типичная для нашей «антитеррористической операции» ситуация. Забирают человека в никуда, и первая неделя его заключения – самая страшная. Человека как бы «нигде нет», он ни за кем – ни за одной правоохранительной структурой – не числится, его ищут везде родственники, а он будто бы «не существует» – это время, когда из него спецслужбы выбивают все, что им надо.

Время с 20 по 27 апреля Хасуханов не очень помнит – все плыло перед ним, как в предсмертной агонии. Побой – уколы – побой – уколы... И больше ничего.

...Из протокола судебного заседания, десять месяцев спустя после той страшной недели, с 20-го по 27-е:

– Первые семь дней я находился в здании ФСБ в Шали, где меня избивали. С тех пор у меня четырнадцать переломов ребер, одно ребро в почке...

Чего хотели от Хасуханова прежде, чем он умрет от побоев, – а ему был уготован именно этот исход? От него требовали вывести на Масхадова – и дальше он мог умирать. Но проблема была в том, что Хасуханов все никак не выводил. И все никак не умирал... Обладая недюжинным здоровьем подводника.

Так, 30 апреля его решили легализовать. Для этого приволокли (оформив санкцию тогдашнего прокурора Чечни Александра Никитина) в изолятор временного содержания (ИВС) другого чеченского райцентра – станицу Знаменскую. Хасуханова сдали в тот самый ИВС, который был стерт с лица земли взрывником-самоубийцей 12 мая 2003 года, и тогда, после взрыва, в Чечне говорили: туда и дорога, поделом, скольких людей пытали в этом изоляторе... Сколько не выдержали пыток, и их тайно похоронили вокруг...

Хасуханов появился в Знаменской, похожим на саму смерть. Он был, как мешок с мясом, но дышал. И в Знаменской пытки продолжились. Ими руководил подполковник юстиции Анатолий Черепнев, заместитель начальника следственного отдела УФСБ РФ (Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации) по Чечне. Именно Черепнев стал главным «по Хасуханову» следователем – и одновременно руководящей и направляющей силой истязаний с целью получения доказательств. Чего же требовал Черепнев?

...Из протокола судебного заседания:

– За что к вам применялось насилие?

– Во всех беседах интересовал только вопрос о том, где Масхадов и где подводная лодка, которую я, якобы, хотел угнать. Вот два вопроса, из-за которых ко мне применяли насилие...

С первым пунктом все было более или менее ясно – Хасуханов не привел к Масхадову, да, собственно, и не мог привести. Он видел его в последний раз в 2000 году, а если и общался с ним, то виртуально – посредством аудиокассет: Масхадов, когда ему надо было, наговаривал и присылал Хасуханову через посыльного (один из них и стал информатором ФСБ, приведшим к Хасуханову), а Хасуханов изредка отвечал... В последний раз, перед арестом, Масхадов прислал Хасуханову аудиокассету в январе 2002 года, а за два дня до ареста, в апреле 2002 года, Хасуханов решил ответить... О чем были эти кассеты? Обычно Масхадов просил зафиксировать Хасуханова (для истории, видимо), кому из полевых командиров он, Масхадов, сколько денег передал. О том, почему именно Хасуханова Масхадов просил об этом – позже...

А пока – сюжет о «подводной лодке», он стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее. Напомню, Хасуханов – подводник с достаточно высоким званием и должностью перед уходом в

запас. И Хасуханов – единственный чеченец, который когда-либо (в советские и постсоветские времена) был офицером атомного подводного флота. Так вот, Черепнев стал подтягивать Хасуханова к «планированию членами НВФ захвата подводной ядерной лодки, завладения ядерным зарядом, захвата заложников из числа депутатов ГД, выдвижения требований об изменении конституционного строя РФ путем угрозы взрыва ядерного заряда и убийства депутатов» (это цитата из письма-запроса Черепнева в прокуратуру Чечни с требованием очередной санкции на продление ареста, которая была удовлетворена заочно).

Подтягивал, но тоже не вышло. Хасуханов не сдавался. И опять же – не мог сдаться. Потому что в 92-м году он сам «строил» (как говорят на флоте – то есть следил от имени будущего экипажа за строительством лодки на верфи, уже зная, что будет на ней служить) ту подлодку, которую ему «приписывал» теперь Черепнев. И была эта лодка ему дорога больше остальных – и не мог он ее хотеть захватить...

К сюжету «Захват подлодки» Черепнев готовился основательно. В ФСБ были сфабрикованы специальные документы, которые как бы писали боевики по агентурным данным Хасуханова. Это – «Рабочий план чеченских НВФ по проведению диверсионной акции на территории РФ и самодельные карты базирования 4-й флотилии АПЛ ТОФ» и «План проведения диверсионной акции на территории России». Естественно, с припиской: «Разработка операции произведена на основании визуальной и агентурной разведки в интересующем нас районе в течение декабря 1995 года», и вот именно под этими словами Хасуханов должен был поставить свою подпись...

Но он все не ставил, и так и не поставил... И тогда били его в ФСБ все изощреннее. Хотя куда уж больше, неизвестно. И теперь уже за то, что ломает планы...

Единственное, чего в результате добился Черепнев от Хасуханова, так это, чтобы тот, не помня себя от боли и психотропов, подписал («завизировал» – так это будет звучать позже в судебном приговоре) чистые бланки «приказов и боевых распоряжений Масхадова». И позже Черепнев вписал туда то, что считал нужным. Вот пример такой фальсификации (из текста обвинительного заключения по делу): «2 сентября 2000 года Хасухановым издано боевое распоряжение, которым всем полевым командирам предписывалось разбросать на автодорогах и маршрутах передвижения федеральных сил мелкие гвозди, болты, гайки, шарики с целью маскировки мин и фугасов... Тем самым, используя свою руководящую роль в НВФ, своими умышленными действиями, Хасуханов склонял других участников НВФ к совершению актов терроризма, направленных на противодействие наведению на территории Чеченской Республики конституционного порядка...».

Еще Черепнев требовал от Хасуханова подписывать, не глядя, протоколы допросов. И они получались следующего качества:

«Вопрос (как бы его задает Черепнев): Вам предъявляется ксерокопия обращения к российским офицерам № 215 от 25 ноября 2000 г. Что вы можете показать?»

Ответ (как бы отвечает Хасуханов): Подготовка и распространение подобного рода документов являлись составной частью пропаганды, проводимой оперативным управлением ВС ЧРИ под моим непосредственным руководством. Данные обращения были направлены на противодействие российским СМИ в части, касающейся освещения ими хода контртеррористической операции. Я понимал, что распространение подобного рода документов может привести к дестабилизации положения на территории ЧР, но продолжал действовать...».

Типичный военный слог. Целый месяц, набирая ТАКОГО материала, пытали Хасуханова в Знаменской.

...Из протокола судебного заседания:

– А когда я уже из-за избиваний ничего не понимал и ни на что не реагировал, то меня под уколами перевезли в ФСБ Северной Осетии. Меня там не хотели принимать в СИЗО² из-за побоев, врач сказал, что я через двое суток умру, и тогда меня отвезли на лесзавод – учреждение ЯН 68-1.

– Вы медицинскую помощь получали?

– Я просто лежал в лесзаводе, где три месяца приходил в себя.

Что это такое – «лесзавод»? Изредка, в историях о без вести пропавших в Чечне после зачисток, это место всплывает. Одни, кто там побывал и выжил, называют его по российской, со сталинских времен, устойчивой привычке «лесоповалом», другие «лесзаводом» (официальное наименование – учреждение № ЯН 68-1, ведомственно принадлежащее Министерству юстиции Республики Северная Осетия).

О «лесзаводе» известно, что там, действительно, принимают от сотрудников правоохранительных органов (в первую очередь от фээсбэшников) избитых до полусмерти людей и закрывают глаза на то, что у них нет документов. То есть это те самые люди-никто, бесследно исчезнувшие в результате встречи с федералами.

И большое спасибо тем, кто работает в «лесзаводе», за то, что они принимают в свое учреждение нелегалов и нелегально, – они многих так спасли от верной смерти. Из тех, кому полагалось умереть, но кого федералы просто поленились застрелить по дороге из Чечни в Осетию, или кого, уже безнадежных, сюда везли именно умирать, чтобы самим руки не марать... Сколько и кого тут в результате умерло за вторую чеченскую войну и от кого не осталось даже могильного холмика – не знает никто. Зато известно, сколько выжило. Хасуханов – один из чудом спасенных. Его пожалел охранник. Просто пожалел, и все – и каждое свое дежурство приносил из дома парное молоко.

Так Хасуханов снова выжил и, значит, опять предстал перед Черепневым. В чеченском УФСБ такая система заведена: раз выжил, будет суд, выживают немногие – поэтому и судов мало над «международными террористами». Но, тем не менее, суды быть должны: в общей структуре «антитеррористической операции» отдельных «террористов» полагается осуждать, поскольку отчетности об этом время от времени требуют у Путина западные лидеры, а он того же самого требует от ФСБ и Генеральной прокуратуры. Вот они и стараются. Если кто выживает...

Владикавказ

Владикавказ – столица Республики Северная Осетия-Алания, граничащей с Чечней и Ингушетией. И Осетия – полноправный участник «антитеррористической операции». Тут находится Моздок – самая главная военная база, где формируются федеральные подразделения перед отправкой в Чечню. (И именно поэтому Моздок стал ареной двух крупных терактов с участием смертников 2003 года – 5 июня (женщина-камикадзе взорвала себя, войдя в автобус, перевозивший военных летчиков) и 1 августа, когда грузовик с тонной взрывчатки, за рулем которого был мужчина-камикадзе, взрезался в военный госпиталь.)

Во Владикавказе же, в североосетинской столице, традиционно проходят многие суды по сфабрикованным делам над «международными террористами». Местные адвокаты работают скорее не защитниками, а некой четвертой силой в тесной связке с судом, ФСБ и прокуратурой и поддерживают усилия о выведении «международных террористов» на чистую воду.

Тут же, во Владикавказе, сотрудники УФСБ по Чечне также часто подолгу работают, предпочитая вывозить своих жертв и вести их допросы в здании местного УФСБ. Чтобы подальше от войны – всем хочется жить.

Так было и на сей раз. Черепнев приехал во Владикавказ к Хасуханову и, прежде всего, взял ему адвоката. Обратите внимание: с 1 июля 2003 года в России действует новый и

² следственный изолятор. – Прим. авт.

очень передовой, лучших европейских стандартов Уголовно-процессуальный кодекс, который вообще запрещает, среди прочего, допрашивать подозреваемого без адвоката, но тем не менее, «когда требуется», у нас все бывает по-прежнему. Защитника у Хасуханова не было с 20 апреля до 9 октября 2002 года. Вообще. Целых полгода. Ровно до тех пор, пока на «лесзаводе» у него срослись кости черепа, рук и ребер, и можно было готовить его к появлению в суде.

Интересно, как все было оформлено. 8 октября Черепнев вызвал Хасуханова на допрос и сказал, что он должен написать ходатайство на его имя. И продиктовал следующее: «Прошу вас предоставить мне адвоката на предварительном следствии... До настоящего времени в услугах адвоката не нуждался, в связи с чем претензий к органам следствия по данному вопросу не имею... Адвоката прошу пригласить на усмотрение следователя...».

Итак, 9 октября у Хасуханова был первый допрос с участием владикавказского защитника Александра Дзилихова. Естественно, Хасуханов посчитал его не адвокатом, – а просто очередным сотрудником ФСБ, представившимся адвокатом... По-другому он считать и не мог. Впрочем, Дзилихов тоже ничего не сделал такого, что бы повернуло Хасуханова к нему, – Дзилихов не давал своему подзащитному никаких советов. Просто сидел на допросах и молчал.

...Из протокола судебного заседания:

– Вы можете сказать, есть ли разница между показаниями, которые вы давали до присутствия адвоката и после? И какая это разница?

– Да, есть разница. Раньше, когда допрос заканчивался, мне не давали читать протоколы, а когда появился адвокат, то давали читать...

Всего таких допросов в присутствии защитника у Хасуханова было три. 9, 23 и 24 октября – точнее, Черепнев просто за эти три дня переписал показания, выбитые в Знаменской, на новые бланки, и это стало «показаниями в соответствии с УПК»³.

25 октября Черепнев назначил последний день следствия. И объявил Хасуханову, что очень скоро он получит для ознакомления текст обвинительного заключения, и его задача – побыстрее подписать этот текст... Чтобы у Хасуханова не осталось иллюзий, на два дня, 29 и 30 октября, Хасуханова опять куда-то возили из СИЗО, и, конечно же, без адвоката... Куда, он не знает – ему надевали на голову мешок. Но зачем, скоро понял: потому что возили его как бы на расстрел. «Ну все, тебе конец», – приговаривали охранники, передергивая затворы.

Естественно, это была имитация расстрела – попугать, чтобы не сопротивлялся и подписал все, что есть в обвинительном заключении...

Подписал, конечно... Кто стоял под расстрелом, знает, что сопротивляться сложно. Кто не стоял – пусть почитает Достоевского. Так вот, Хасуханов опять не сломался и впоследствии, на суде, отрицал то, что легло в основу обвинительного заключения (утвержденного новым прокурором Чечни Владимиром Кравченко и текст которого потом почти полностью перекочевал в приговор судьи Валерия Джиоева).

Далее – цитаты из них обоих с необходимыми комментариями, чтобы было ясно: не фабрикуются дела на бумаге, и никто из фабрикующих этого не боится, чувствуя полную поддержку сверху, не боится даже того, что эти бумаги остаются для истории, которую в России традиционно переписывают по прошествии времени...

«В апреле 1999 г. Хасуханов... добровольно вступил в вооруженное формирование, не предусмотренное федеральным законом... Хасуханов вышел на связь с помощником Масхадова – Хамбиевым Магомедом, который предложил ему оказать своим опытом помощь Масхадову в организации работы создаваемой НВФ – «Военной инспекции»...

Вы поняли, о чем речь? О том, что после ухода в запас Хасуханов приехал домой, в Грозный, и, будучи офицером с академическим образованием, – а таких чеченцев просто не было, – был приглашен Масхадовым на работу в правительство. В 1999 году это было обычное

³ УПК – Уголовно-процессуальный кодекс России. – Прим. авт.

республиканское правительство, финансируемое из Москвы, а Масхадов был законно избранным президентом Чечни, признанным Москвой... «Военная инспекция», куда Масхадов пригласил Хасуханова, была ему нужна как воздух. Чеченское чиновничество разнузданно воровало – как, впрочем, и московское, и нужен был знающий человек, способный контролировать именно военные финансовые потоки. Прежде всего, приходящие из федерального казначейства. Так какое же это «НВФ»?

...Из протокола судебного заседания:

– Вы считали действия президента Масхадова законными? – Был вопрос прокурора.

– Да. Я не мог знать, что Масхадов, правительство и силовые ведомства будут признаны незаконными. Я знал, что Масхадов – президент, он был признан и федеральным руководством, с его министрами встречались, выделялись финансовые средства, и, естественно, я не знал, что вступаю в НВФ...

– Вы занимались проверкой финансово-хозяйственной службы МВД ЧРИ⁴?

– Да, в июне 1999 года я доложил Масхадову о результатах проверки. Я перечислил все, на что были израсходованы деньги. Все эти сведения я получил тогда в МВД Российской Федерации. Все эти сведения были официально получены. Я и не подозревал ничего незаконного.

...В работу Хасуханова перед войной действительно входили проверка финансово-хозяйственной деятельности и организация системы учета и контроля за денежными средствами, выделяемыми на содержание силовых структур Чечни – МВД, Национальной и Президентской гвардий, Главного штаба. Летом 99-го он выяснил, что через Главный штаб проходят значительные суммы денег на оружие и обмундирование, но, к примеру, те гранатометы, которые на эти деньги Министерство обороны заказывало на грозненском заводе «Красный молот», заведомо непригодны для боевых действий, и, значит, это осознанный грабеж средств.

То же было с военным обмундированием: его шили в чеченском городе Гудермесе по 60 рублей за комплект, но по документам проводили, как «сделано в Прибалтике», и цена поэтому значительно выше...

Обо всем этом Хасуханов доложил Масхадову, и у начальника Военной инспекции тут же начались проблемы с силовым окружением президента, причастного к разбазариванию средств. Но уже через неделю работы в Военной инспекции Масхадов назначил Хасуханова на должность начальника своего штаба – именно потому, что Масхадов остро нуждался в честных людях.

На календаре был конец июля 99-го. Приступил к работе начальник штаба Хасуханов в августе – за несколько дней до начала второй чеченской войны. В ней Хасуханов отказался принимать участие...

При чтении протоколов судебных заседаний (а суд был закрытый) не покидает ощущение заданности. Вроде бы Хасуханов должен быть надолго осужден за что-то очень серьезное... Но о чем, там не сказано... И остается догадываться по косвенным признакам... И, быть может, тогда, в 99-м, Хасуханов выяснил что-то такое, что ему аукнулось в 2002—2003-м... Не за тайну ли тех самых разворованных федеральных средств, выделенных на силовые структуры Чечни через силовые структуры федерального центра, его решили осудить? То есть того самого воровства, которое во многом, как подозревают, и привело к началу второй войны, – чтобы концы были навсегда спрятаны в воду? И именно поэтому военная верхушка России сегодня так непримирима к мирным переговорам?...

И снова цитата из обвинительного заключения (а также и приговора): «Хасуханов, активно принимая участие в деятельности НВФ, в 1999 году занимался вопросами, связанными с финансированием НВФ... Разработал и осуществил на практике систему учета денежных средств, направляемых на содержание НВФ «Национальная гвардия», «Главный штаб»

---

⁴ *Министерства внутренних дел Чеченской Республики Ичкерия.* – Прим. авт.

и МВД самопровозглашенной «Республики Ичкерия». Проявив на этой должности организаторские и деловые качества, Хасуханов в конце июля 1999 года был назначен Масхадовым на должность начальника своего штаба. Активно участвуя в деятельности указанного НВФ, Хасуханов участвовал в выработке основных решений по противодействию, в том числе вооруженному, силам федерального правительства в наведении ими конституционного порядка на территории ЧР...».

Читается просто смешно. Если не знать, чем заплатил Хасуханов за столь наглую фальсификацию истории силами ФСБ...

...Из протокола судебного заседания:

– Скажите, какая была необходимость лично вам находиться в Чечне с начала боевых действий и по день задержания?

– Я не считал для себя возможным повернуться спиной к Масхадову, потому что считал его законно избранным президентом. Я не мог прекратить войну и делал все, что было в моих силах... Я иногда исполнял его просьбы... Я по лесам не в состоянии был ходить, но то, что я мог делать, я делал. Я видел, как погибают люди, и знаю, как наводится конституционный порядок. Я не буду скрывать, что вся эта война – геноцид. Но я никогда не призывал к совершению терактов.

– К уничтожению федеральных войск призывали?

– Для того чтобы призывать, надо руководить людьми. А я ими не руководил.

– Находился ли кто-нибудь из полевых командиров непосредственно в вашем подчинении?

– Нет.

...Передо мной – документы ДСП⁵. Готовя дело к суду, Черепнев разослал во ВСЕ районные (низовые) отделы ФСБ по Чечне запросы о том, какие «акты терроризма» на территории их районов были осуществлены по «боевым распоряжениям начальника оперативного штаба ВС ЧРИ Хасуханова». Напомню: «боевым распоряжениям», которые Хасуханов подписывал на следствии как чистые бланки, а Черепнев потом вписывал (сочинял) то, что хотел, и то, что требовалось...

И, естественно, ВСЕ начальники районных отделов ответили: никакие, Хасуханов ни за каким терактом не числится... И это же не боевики прислали Черепневу бумаги, – а «свои»... Но машина обязательного осуждения «руководящего члена НВФ» – как теперь, после того как он выжил, стали называть его дело – продолжала крутиться. Вопреки фактам и доказательствам. И суд не обратил на эту стопку бумаг ДСП ровным счетом никакого внимания... Как и прокуратура.

Суд

Процесс по делу Хасуханова прошел в закрытом режиме и на очень большой скорости: с 14 января по 25 февраля 2003 года, в Верховном суде Республики Северная Осетия-Алания, с председательствующим Валерием Джигоевым. Этот суд не увидел ничего противоестественного ни в чем. Ни в полугодовом отсутствии адвоката. Ни в том, что пригласили его те, кто бил. Ни в том, что подсудимый был неизвестно где с 20 по 27 апреля. Ни в пытках. Хотя СУД и ПРИЗНАЛ ПЫТКИ, НО НИКАК НА ЭТО НЕ ОТРЕАГИРОВАЛ. Вот цитата из приговора: *«В ходе расследования Хасуханов не давал признательных показаний, но под психологическим и физическим давлением со стороны работников ФСБ вынужден был подписывать готовые протоколы допросов.*

– Вы говорили, что к вам было применено насилие? – спросил судья Хасуханова. – Вы можете назвать фамилии лиц, которые применяли к вам насилие?

---

⁵ для служебного пользования. – Прим. авт.

– Назвать не могу. Так как не знаю их.

И суд пошел дальше – раз палачи не показали жертве удостоверений личности перед расправой. И даже отказал в медицинской экспертизе, наблюдая перед собой человека со вмятиной в черепе. Только что и сделал суд, так это запросил начальника «лесзавода» Теблоева, находился ли Хасуханов в медсанчасти его учреждения. И когда начальник ответил: «Да, находился. С 3 мая по сентябрь 2002 года, с диагнозом: ушиб грудной клетки», суд просто это «скушал», даже не позволив себе удивиться, что с «ушибом грудной клетки» человек четыре месяца находится в медсанчасти...

«Подсудимый Хасуханов (цитата из приговора) в судебном заседании вину свою в совершенных преступлениях не признавал... Сообщил, что считал своим долгом выполнять отдельные просьбы и поручения законно избранного президента Масхадова. Не приготавливался к совершению террористических актов, не занимался финансированием полевых командиров. Подтверждает лишь то, что некоторые приказы, распоряжения Масхадова заверял собственной записью «копия верна»...

И все?

И – все. Итог – 12 лет колонии строгого режима. Без права на амнистию. И – самое последнее слово подсудимого: «Я хочу сказать, что не собираюсь отречься от своих убеждений. То, что происходит в Чечне, считаю грубейшим нарушением прав людей. Действительных преступников никто не ловит. И пока будет происходить то, что происходит, таких, как я, на скамье подсудимых будет много».

Нас накрывает такой мрак, из которого мы уже однажды выползли несколько советских десятилетий подряд. Историй о том, как пытками ФСБ фабрикует дела в нужном себе идеологическом ключе, допуская суд и прокуратуру себе в прислужницы, становится все больше. И их уже так много, что они не исключение, они заполняют все пространство вокруг каждого из нас, – и не представляется возможным вести речь о какой-либо случайности.

Это значит: наша Конституция умирает, невзирая на наличие в стране гаранта Конституции. И ФСБ назначена ответственной за ее похороны.

...Странные вещи творятся вокруг меня. Все «западники» – мы так называем европейцев и американцев, – то есть люди с Запада, столь увлеклись Путиным, так его полюбили, что... панически боятся что-то сказать против.

Узнав, что Хасуханова привезли на «Красную Пресню» – в знаменитую московскую пересыльную тюрьму, в тюремную сортировку, откуда осужденных обычно распределяют по этапам, отправляющимся в другие части страны, – я позвонила в московское бюро Международного Красного Креста. Сотрудники этой организации – почти единственные – имеют возможность навещать тюремные камеры и конкретных осужденных и подсудимых.

Я позвонила, потому что знала: после пыток, через которые прошел Хасуханов, он – живой труп. Состояние его здоровья крайне тяжелое. Я попросила их навещать Хасуханова, пока он в «Красной Пресне», помочь ему с лекарствами, попросить тюремное начальство о лечении, договориться о регулярном посещении...

Прошла неделя, в течение которой московское бюро рассматривало мою мольбу о помощи. И – отказало, промямлив в ответ, что «это очень сложно»...

Я знаю смысл этих ответов, им цена – страх. Перед ФСБ. И нежелание хоть в чем-то перечить путинской политике. Позор, между прочим.

Часть вторая. Прецедент полковника Буданова

25 июля 2003 года в Ростове-на-Дону, в военном суде Северо-Кавказского округа, был, наконец, вынесен приговор теперь уже бывшему полковнику Российской армии Юрию Буда-

нову – обладателю двух орденов Мужества, участнику и первой, и второй чеченских войн – 10 лет, которые он должен провести в колонии строгого режима за преступления, совершенные в Чечне, в ходе проведения так называемой «антитеррористической операции» (второй войны), за похищение и убийство с особой жестокостью чеченской девушки Эльзы Кунгаевой.

Судебным решением от 25 июля Буданов был также лишен воинского звания и всех государственных наград. Дело Буданова, начавшееся в день выборов президента Путина (26 марта 2000 года), продолжалось больше трех лет из четырех лет второй чеченской войны и стало огромным испытанием для всего нашего общества: от Кремля до жителя самой маленькой деревушки. Мы все решали и пытались ответить на вопрос: кто они – солдаты и офицеры, ежедневно убивающие, грабящие, пытающие и насилующие в Чечне? Типичные уголовники и военные преступники? Или же бескомпромиссные и жесткие участники всемирной борьбы с международным терроризмом всеми доступными ими способами, и, значит, благородная цель спасения человечества оправдывает средства, которые они используют? В результате дело Буданова стало совершенно политическим для страны – настоящим символом нашего времени. Все, что попало на эти годы в мире и России – 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, войны в Афганистане и Ираке, создание международной антитеррористической коалиции, теракты в России, захват заложников в Москве в октябре 2002 года, чеченские женщины, беспрестанно подрывающие себя, палестинизация второй чеченской войны как ответ, в том числе, и на действия Буданова в Чечне, и на ход судебного процесса над ним, который чеченцы считали оскорбительным для своей нации, – все вместило это дело – яркое, трагичное и драматичное. Оно вывернуло наизнанку все наши проблемы, всю нашу жизнь вокруг второй чеченской войны, весь наш иррационализм по отношению к этой войне и времени правления Путина, все наши понимания, кто же прав на Северном Кавказе, а кто виноват, и, главное, какие болезненные изменения претерпела при Путине и на фоне войны система отечественного правосудия. Судебная реформа, которую пытались внедрить демократы и всячески двигал Ельцин, рухнула под напором дела Буданова. Потому что три с лишним года нам демонстрировали, что независимого суда, невзирая на реформу, нет. А на его месте – суд по политическому заказу, в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры, и, более того, этот заказ большинству населения кажется вполне нормальной вещью. Современный российский человек – человек времен правления президента Путина, с промытыми пропагандой мозгами, опять в большинстве своем мыслящий по-большевистски, но все-таки еще не полностью разучившийся самостоятельно думать, как это позволялось при президенте Ельцине, – наш человек не станет спешить с ответом, обязан быть суд политическим или все-таки по закону, и, скорее всего, призадумается над этим вопросом...

25 июля 2003 года родители зверски задушенной полковником Эльзы Кунгаевой, понимая лучше других, что творится, даже не пришли в зал судебных заседаний – они были уверены, что последует оправдательный приговор палачу их дочери.

Однако, произошло чудо, уже никем практически и не ожидаемое. Чудо – и одновременно подвиг судьи Владимира Букреева. Подвиг, потому что он посмел вынести обвинительный приговор. Да еще с таким большим, не формальным, сроком заключения для Буданова. И, тем самым, пойдя против всей российской военной среды, активно поддерживающей Буданова и оправдывающей его поступки на войне. Несмотря на огромное и очевидное давление из Кремля и Министерства обороны (а система военных судов в России – это часть Вооруженных сил страны, где Верховный главнокомандующий, согласно Конституции, – президент), судья Букреев решил, что Буданов должен получить, что заслужил. При этом еще раз доказав: в России по-прежнему нет системы правосудия, а есть судебная система обслуживания политических заказов, против которой если кто и может выступить, так это лишь герой-одиночка. Вот как все было – как развивалось дело Буданова.

Дело

Начнем с документов – чтобы избежать мифологии, царящей в связи с делом Буданова как в российском обществе, так и в кругах европейских поклонников Путина. Что же такое военное преступление в современной России? Чтобы ответить на этот вопрос, позвольте процитировать, к примеру, обвинительное заключение по уголовному делу № 14/00/0012-00 (дело Буданова).

Эти цитаты очень ярко, хоть и написаны сухим прокурорским языком, демонстрируют реальную атмосферу второй чеченской войны лучше любой публицистики. Обстановку в частях, дислоцированных в зоне так называемой «антитеррористической операции», где царит почти повсеместная полная армейская анархия. Эта анархическая атмосфера в конечном счете и стала причиной и почвой для того, что совершил Юрий Буданов, теперь уже бывший полковник-танкист, командир элитного подразделения Российских вооруженных сил, сам – армейская элита (выпускник Военной академии), увенчанный всеми высшими наградами страны в знак признания его боевых заслуг.

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении полковника в/ч 13206 (160-й танковый полк) Буданова Юрия Дмитриевича, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч.2 ст.105; ч.3 ст.126; п п. «а», «в» ч.3 ст.286 УК РФ, и подполковника в/ч 13206 Федорова Ивана Ивановича, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п п. «а, б,в» ч.3 ст.286 УК РФ.

(Необходимое пояснение: дело Буданова начиналось, как дело Буданова и Федорова, командира полка и его заместителя, – 26 марта 2000 года они совершали преступления и вместе, и порознь, но впоследствии подполковник Федоров был оправдан, поскольку его жертва осталась жива и публично простила его прямо в зале судебного заседания.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ установлено:

Буданов Юрий Дмитриевич 31 августа 1998 года был назначен на должность командира В/ч 13206 (160-го танкового полка). 31.01.2000 Буданову было присвоено воинское звание «полковник». Федорову Ивану Ивановичу 12 августа 1997 года было присвоено звание «подполковник». 16 сентября 1999 года Федоров был назначен на должность начальника штаба – заместителя командира в/ч 13206 (160-го танкового полка). 19 сентября 1999 года, на основании директивы Генерального штаба Вооруженных сил РФ № 312/00264, в составе в/ч 13206 Буданов и Федоров убыли в командировку в Северо-Кавказский военный округ и в дальнейшем в Чеченскую Республику для участия в контртеррористической операции.

26 марта 2000 года в/ч 13206 находилась в пункте своей временной дислокации на окраине села Танги Урус-Мартановского района Чечни. Во время обеда в офицерской столовой полка Буданов и Федоров, по поводу дня рождения дочери Буданова, употребили спиртные напитки. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, в 19 часов этого же дня, Буданов и Федоров, с группой офицеров полка и по предложению Федорова, прибыли в распоряжение разведывательной роты полка, командиром которой являлся старший лейтенант Багреев Р.В.

(Необходимое объяснение: именно Роман Багреев, впоследствии, в зале суда, простит и Буданову, и Федорову то, что они сделали по отношению к нему.)

Проверив внутренний порядок в палатках подразделения, Федоров, желая доказать Буданову, что разведывательная рота, командиром которой, по его рекомендации, был назначен Багреев, может уверенно действовать в боевой обстановке, предложил Буданову проверить ее боеготовность. На это предложение Буданов первоначально ответил отказом. Однако Федоров продолжал настаивать на своем. После неоднократных предложений Федорова Буданов разрешил проверить боеготовность роты, а сам с группой офицеров направился к узлу связи. Получив разрешение, Федоров решил, не уведомляя об этом Буданова, дать команду на боевое применение штатного вооружения роты по селу Танги. При этом решение на открытие огня Федоровым было принято вне зависимости от складывающейся обстановки, без какой-либо

реальной необходимости, так как со стороны Танги огонь по позициям федеральных войск не велся.

Реализуя свой план, грубо нарушая требование директивы Генерального штаба Вооруженных сил РФ от 21.02.2000 № 312\2\0091, запрещающей применение разведподразделений без всесторонней подготовки и проверки их готовности к выполнению боевых задач, Федоров отдал приказ занять огневые позиции и открыть огонь по окраине села Танги.

Исполняя команду, старший лейтенант Багреев отдал приказание личному составу роты занять позиции согласно боевому расчету и открыть огонь по одиноко стоящему дому на окраине Танги. Три боевые машины заняли боевые позиции. После занятия огневых рубежей часть экипажей роты не стала выполнять приказание Федорова на открытие огня по населенному пункту. Федоров, продолжая превышать свои должностные полномочия, стал требовать открыть огонь. Будучи раздосадованным отказом подчиненных, Федоров стал предъявлять претензии Багрееву. В грубой форме Федоров стал требовать от Багреева, чтобы тот добился открытия огня своими подчиненными. Не удовлетворившись действиями Багреева, Федоров стал лично руководить действиями личного состава роты и в приказной форме требовать открыть огонь по окраине Танги. Он запрыгнул на одну из боевых ракетных установок и потребовал от наводчика машины прапорщика Ларина открыть огонь на поражение. Исполняя приказ Федорова, личный состав открыл огонь. В результате выполнения приказа Федорова и попадания снаряда в дом № 4 по ул. Заречной села Танги, принадлежащий жителю этого села Джаватханову А.А., стоимостью 150 тысяч рублей, дом был разрушен.

Добившись от личного состава роты выполнения своего противоправного приказа, Федоров стал хватать Багреева за одежду и продолжал в грубой форме предъявлять необоснованные претензии. Багреев, не оказывая Федорову никакого сопротивления, ушел в палатку своего подразделения.

Находясь возле узла связи полка, Буданов, услышав выстрелы в районе расположения разведроты, отдал приказание Федорову прекратить огонь и вызвал его к себе. По прибытии, Федоров доложил Буданову, что Багреев умышленно не исполнил приказ об открытии огня. По приказанию Буданова Багреев был вызван к нему. После прибытия Багреева Буданов в грубой форме стал предъявлять претензии Багрееву по поводу того, что тот своевременно не выполнил приказ Федорова на открытие огня. Буданов стал оскорблять его, а затем нанес Багрееву не менее двух ударов кулаком по лицу.

Одновременно с этим Буданов и Федоров приказали личному составу комендантского взвода связать Багреева и поместить его для отбывания наказания в яму, вырытую в расположении части. При этом Буданов схватил Багреева за обмундирование и повалил на землю. Федоров нанес Багрееву удар ногой, обутой в сапог, по лицу. Прибывший личный состав комендантского взвода связал Багреева, который лежал на земле. Далее Буданов совместно с Федоровым продолжил избивание Багреева, лежащего на земле. При этом Федоров нанес Багрееву, лежащему на земле, ногой, обутой в армейские полусапоги, не менее 5-6 сильных ударов по телу, в том числе и по лицу; Буданов нанес Багрееву ногами, обутыми в армейские полусапоги, не менее 3-4 ударов по туловищу.

После избивания Багреев был помещен в яму, где находился в сидячем положении со связанными руками и ногами. Спустя 30 минут после избивания Багреева Федоров вернулся к яме и, спрыгнув туда, нанес Багрееву не менее двух ударов кулаками по лицу, разбив нос до крови. Избивание Багреева было остановлено подбежавшими к яме офицерами полка. Спустя несколько минут к яме подошел Буданов. По его приказанию Багреева достали из ямы. Увидев, что Багреев сумел развязаться, Буданов вновь приказал личному составу комендантского взвода связать Багреева. Когда эта команда была исполнена, Буданов совместно с Федоровым стал снова избивать Багреева. Закончив избивание, по приказанию Федорова и Буданова, Багреева со связанными руками и ногами вновь поместили в яму. Когда Багреев уже находился

в яме, Федоров прыгнул в яму и укусил Багреева за правую бровь. В указанной яме Багреев просидел до 8 часов утра 27.03.2000, откуда был освобожден по приказанию Буданова.

В 24-м часу 26 марта Буданов, не имея на то указаний руководства вышестоящего штаба, осуществляющего руководство контртеррористической операцией, решил лично выехать в село Танги. Для проверки имевшейся у него информации о возможном нахождении в доме № 7 по ул. Заречной лиц, участвующих в НВФ⁶. Для выезда в Танги Буданов приказал подчиненным подготовить к выезду БМП-391⁷. При выезде Буданов и члены экипажа вооружились штатным оружием автоматами АК-74⁸. При этом Буданов уведомил экипаж БМП в составе сержантов Григорьева, Егорова, Ли-ен-шоу, что они едут задерживать женщину-снайпера. По этой причине члены экипажа в дальнейшем беспрекословно выполняли его приказания и команды.

В первом часу ночи 27 марта Буданов прибыл в Танги. По приказу Буданова БМП была остановлена рядом с домом № 7 по ул. Заречной, где проживала семья Кунгаевых. Буданов вместе с Григорьевым и Ли-ен-шоу зашел в дом. Там находилась Кунгаева Эльза Висаевна, 22 марта 1982 года рождения, вместе с четырьмя несовершеннолетними братьями и сестрами. Их родители в доме отсутствовали. Буданов спросил, где родители. Не получив ответа, Буданов, продолжая превышать свои служебные полномочия, в нарушение ст.13 ФЗ⁹ «О борьбе с терроризмом», приказал Ли-ен-шоу и Григорьеву захватить Кунгаеву Эльзу.

Григорьев и Ли-ен-шоу, полагая, что действуют правомерно, захватили Кунгаеву и, завернув ее в одеяло, взятое в доме, вынесли ее из дома и поместили в десантный отсек БМП-391. После совершения похищения Буданов доставил Кунгаеву в расположение в/ч 13206 танкового полка. По приказанию Буданова Григорьев, Егоров, Ли-ен-шоу занесли в КУНГ¹⁰ – помещение, где проживал Буданов, завернутую в одеяло Кунгаеву, положив ее на пол. После этого Буданов отдал им распоряжение находиться возле КУНГа и никого не допускать.

Оставшись наедине с Кунгаевой, Буданов стал требовать от нее сведений о возможном местонахождении ее родителей, а также информацию о путях перемещения боевиков в Танги. Получив отказ, Буданов, не имея права допрашивать Кунгаеву, продолжал требовать от нее интересующие его сведения. Поскольку Кунгаева на все требования Буданова сообщить сведения о боевиках отвечала отказом, Буданов стал избивать Кунгаеву, нанося ей множественные удары кулаками и ногами по лицу и различным частям тела. Кунгаева пыталась оказать сопротивление, отталкивала его, попыталась выбежать из КУНГа.

Буданов, будучи уверен, что Кунгаева участвовала в НВФ и причастна к гибели его подчиненных в январе 2000 года, решил убить ее. С этой целью Буданов, схватив Кунгаеву за одежду, повалил ее на топчан и, схватив ее рукой за шею, стал с силой сдавливать ей шею. Осознавая, что, сдавливая подобным образом шею Кунгаевой, он лишит ее жизни, желая наступления ее смерти, Буданов продолжил с силой сдавливать Кунгаевой руками шею до тех пор, пока не убедился, что она не подает признаков жизни. Только после этого он прекратил сдавливать шею потерпевшей.

Эти умышленные действия Буданова повлекли перелом правого большого рога подъязычной кости у Кунгаевой, развитие нее асфиксии и последующую ее смерть. Осознав, что совершил умышленное убийство Кунгаевой, Буданов вызвал к себе в КУНГ Григорьева, Егорова и Ли-ен-шоу и приказал вывезти ее тело и тайно захоронить за пределами части. Данное указание Буданова экипажем БМП-391 было исполнено. Тело Кунгаевой было ими тайно

---

⁶ незаконных вооруженных формирований. – Прим. авт.

⁷ БМП – боевая машина пехоты. – Прим авт.

⁸ автоматы Калашникова. – Прим авт.

⁹ федерального закона. – Прим авт.

¹⁰ кузов унифицированный грузовой, или вагончик для офицерского состава. – Прим авт.

вывезено и захоронено в одной из лесопосадок, о чем утром 27 марта 2000 года Григорьев доложил Буданову.

Обвиняемые Буданов и Федоров, будучи допрошенными в связи с настоящим уголовным делом, частично признавая свою вину в инкриминируемых им деяниях, изменили данные ими на первоначальном этапе следствия показания.

ОБВИНЯЕМЫЙ БУДАНОВ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ.

Допрошенный в качестве свидетеля 27.03.2000, Буданов пояснил, что 25 марта он выехал в Танги. В одном из домов им были обнаружены мины и задержаны два чеченца. Давая пояснения об обстоятельствах конфликта со старшим лейтенантом Багреевым, Буданов отметил, что Багреева никто не избивал. При проверке боеготовности разведроты, которую он проводил вместе с Федоровым около 19 часов 00 минут 26 марта 2000 года, рота неправильно действовала по команде «к бою». Возник конфликт, Багреев в нецензурной форме оскорбил Федорова. Тогда он приказал арестовать Багреева. Буданов отрицал факт отдания Федоровым команды на обстрел Танги и факт открытия огня. В конце допроса Буданов заявил ходатайство о том, что хочет написать явку с повинной о совершении им лишения жизни родственницы граждан, принимавших участие в бандформированиях на территории Чечни.

Далее собственноручно 27.03.2000 Буданов в явке с повинной на имя военного прокурора Северо-Кавказского военного округа изложил следующее. 26 марта 2000 года он убыл на восточную окраину Танги с целью уничтожения или пленения снайперши. Прибыв в Танги в 0 часов 20 минут, зашел в дом на окраине. Там находились две девушки и два парня. На вопрос, где родители, старшая дочь ответила, что не знает. Тогда он приказал подчиненным завернуть эту девушку в одеяло и отнести в машину. Когда прибыли в часть, девушку занесли в его КУНГ. Оставшись вдвоем, он спросил у девушки, где ее мать. Ему, Буданову, по оперативной информации, было известно, что ее мать является снайпершей у боевиков. Девушка ответила, что плохо знает русский язык и не знает, где родители. На это он ответил, что она должна знать, где ее мать и сколько она убила русских. Девушка начала кричать, кусаться, вырываться. Ему пришлось применить силу. Завязалась борьба, в результате которой он порвал на девушке кофту и бюстгальтер. Девушка продолжала вырываться, тогда ему пришлось повалить ее на топчан и начать душить. Душил ее за горло правой рукой. Нижнюю часть одежды с нее не снимал. Минут через 10 она затихла, он проверил пульс на шее. Она оказалась мертва. Буданов вызвал экипаж, приказал завернуть тело в покрывало, вывезти в лесопосадку, в районе танкового батальона, и похоронить.

Допрошенный 28.03.2000 в качестве подозреваемого, Буданов показал, что 3 марта 2000 года из оперативных источников ему стало известно, что в Танги проживает снайперша. Она воюет на стороне боевиков, и ему показали ее фотографию. Все это ему стало известно от одного из жителей Танги, который имел личные счеты с боевиками. Этот же житель показал ему где-то 13-14 марта 2000 года последний дом на восточной окраине села, где проживала снайперша. 24 марта 2000 года он проехал мимо этого дома, но в дом не заходил.

26 марта он подъехал к этому дому. По имевшейся у него информации, снайперша именно ночью с 26 на 27 марта должна была быть дома. Он зашел в дом. В доме никто не спал, все были одеты. Буданов спросил, где хозяин дома, старшая девушка ответила, что не знает. Тогда он приказал подчиненным взять ее с собой. Забрав девушку, они вернулись в расположение полка, и он с этой девушкой остался наедине в своем КУНГе.

Девушка стала кричать, оскорбила его нецензурной бранью и попыталась убежать из КУНГа. Он схватил ее и толкнул на кровать. При этом он порвал на ней кофту. Затащив ее в дальний угол КУНГа, повалил на топчан и начал душить правой рукой за кадык. Она оказывала сопротивление, и в результате этой борьбы он порвал на ней верхнюю одежду. Она успокоилась минут через 10. После того как она успокоилась, он проверил пульс, пульса не было. Вызвал в КУНГ экипаж, зашли командир экипажа и телеграфист. В этот момент девушка

лежала в КУНГе в дальнем углу раздетая, на ней оставались только трусы. Вошедшим он поставил задачу завернуть ее в покрывало, в котором ее привезли, и похоронить. Его, Буданова, вывело из себя, что она не говорила, где ее мать, и, по имеющимся у него сведениям, ее мать из снайперской винтовки 15-20 января 2000 года в Аргунском ущелье убила 12 солдат и офицеров.

Будучи допрошенным 30.03.2000 в качестве обвиняемого, Буданов виновным признал себя частично и показал следующее. 23 марта 2000 года он задержал двух чеченцев. В доме, где они находились, были изъяты 60 штук 80-миллиметровых мин. Один из чеченцев, Шамиль, согласился показать Буданову дома, где проживают боевики, если они его отпустят. Одев на голову Шамиля солдатскую шапку, он посадил его в БМП и с ним проехал по селу. Именно Шамиль показал дом на восточной окраине Танги, где живет снайперша. Кроме того, им были показаны 5 или 6 домов, где живут боевики. От Шамиля ему, Буданову, стало известно, что по ночам снайперша часто приходит домой. Что у снайперши есть дочь, которая постоянно ее информирует о российских военнослужащих.

Буданов частично изменил свои показания о поведении Кунгаевой, сказав, что она говорила, что они доберутся и до него, что ему и его подчиненным живыми из Чечни не выбраться, начала выражаться в адрес его матери нецензурной бранью, после чего побежала к выходу. Последние ее слова полностью вывели Буданова из себя. Он успел схватить ее за кофту и повалил на топчан. Рядом с топчаном стоял стол, на котором лежал его пистолет. Она пыталась рукой взять этот пистолет. Повалив ее на топчан, правой рукой держал Кунгаеву за горло, левой – за ее руку, чтобы она не могла забрать пистолет. Она стала вырываться, в результате чего на ней была порвана вся верхняя одежда. Он руку с горла не убирал, минут через 10 она успокоилась.

(Необходимые пояснения: эти постепенные изменения показаний Будановым на следствии как раз и происходили потому, что Кремль и военная верхушка страны очнулись от шока, связанного с поступком неожиданно осмелевшей прокуратуры, которая позволила себе арестовать боевого полковника-орденоносца, – и так власть стала давить на следователей, ведущих допросы. В результате следователи стали подсказывать Буданову, что говорить, чтобы минимизировать юридические последствия совершенных преступлений, а, возможно, даже уйти от уголовной ответственности.)

В ходе дополнительного допроса 26 сентября 2000 года обвиняемый Буданов конкретизировал показания о том, откуда ему известно, что Кунгаевы участвовали в НВФ. Такая информация ему поступила от одного из чеченцев, с которым он встречался в январе-феврале 2000 года, после боев в Аргунском ущелье. Этот чеченец передал ему фотографию, на которой с винтовкой СВД¹¹ была сфотографирована Кунгаева.

Будучи допрошенным 4.01.2001, Буданов показал, что вину свою в похищении Кунгаевой не признает. Считает, что действовал правильно, исходя из той оперативной информации, которой он располагал. Когда увидел Кунгаеву Эльзу, то опознал ее по фотографии, которая у него была. Когда он дал команду Григорьеву и Ли-ен-шоу задержать Кунгаеву, то задерживал, чтобы передать ее правоохранительным органам. Не сделал этого, надеясь самостоятельно выяснить у задержанной, где находятся боевики, и принять скорейшие меры к их задержанию.

Он также понимал, что если боевики узнают о задержании Кунгаевой, то примут все меры, чтобы освободить ее. Именно по этой причине принял решение ехать сразу в полк. Кроме того, ночью все передвижения на длительные расстояния запрещены. Он же двигался в зоне ответственности полка, где ему передвижение разрешено. Вину свою в умышленном убийстве не признает, так как ее смерти не желал, был в сильно возбужденном состоянии и, как получилось, что задушил, пояснить затрудняется.

---

¹¹ снайперская винтовка. – Прим авт.

ОБВИНЯЕМЫЙ ФЕДОРОВ ИВАН ИВАНОВИЧ.

Допрошенный 3 апреля 2000 года в качестве свидетеля, Федоров показал, что 26 марта 2000 года он, Арзуманян¹² и Буданов пошли проверять внутренний порядок в разведроте. Завершив проверку, он довел до Багреева вводную¹³ – «нападение на командный пункт, огневой рубеж занять» – и указал место, где будет огневой рубеж. После этого вызвал Багреева к себе и спросил, почему боевые машины не стали на огневой рубеж. Что ответил Багреев, не помнит. В ответ на эти объяснения он, скорее всего, ответил Багрееву нецензурной бранью. Затем стал хватать Багреева за одежду.

Буданов, Арзуманян пошли на КП¹⁴ полка. Он не помнит, кто дал команду связать руки и ноги Багрееву, но военнослужащие комендантского взвода связали Багрееву руки. Тогда он подошел к Багрееву и нанес ему несколько ударов. Как он его бил, не помнит. Потом Багреева по его, Федорова, команде посадили в яму. Спрыгнув в яму, он хотел высказать Багрееву все, что думает о нем.

Из ямы его, Федорова, выгнали Арзуманян. О том, что Буданов ночью ездил в Танги, ему стало известно уже после прибытия в часть комиссии из штаба группировки войск «Запад».

Где-то 20 марта 2000 года он видел у Буданова ксерокопию фотографии женщины, которая, по пояснениям Буданова, являлась снайпером. Со слов Буданова, эта женщина проживала в Танги, и он должен найти ее. На вид этой женщине не более 30 лет. Где-то 25 марта 2000 года Буданов выезжал в Танги, и чеченец показал ему дома, где живут боевики.

Осмотром рабочего блокнота Федорова установлено, что на обороте листа № 8 имеется запись: Самбиев Шамиль, далее написано: ул. Зарецкая, дом 7, Хунгаев Идолбек. Лист приобщен к делу в качестве доказательства.

Будучи допрошенным по записи в рабочем блокноте, Федоров показал, что на странице № 8 записано, что именно Самбиев Шамиль указывал адреса в Танги, где проживают боевики. Записаны два адреса, так как остальных адресов чеченец не знал и дома указал визуально. Всего им было показано 10 домов.

Будучи допрошенным 24.11.2000, Федоров показал, что 26.03. 2000 он, Федоров, отдал Багрееву команду «к бою, противник со стороны Танги», после чего стал наблюдать за действиями разведчиков. Багреев продублировал эту команду. Затем он, Федоров, увидел, что действия Багреева были неграмотными. Федоров вспылел. Затем добился от Багреева правильного осуществления действий личного состава по боевому расчету.

После этого, видя, что проверка показывает слабую ориентацию ротного командира в обстановке, решил до конца проверить, как может рота выполнить задачу огневого поражения. Для этого он дал команду Багрееву – расход по одному снаряду на ракетную установку – по отдельно стоящему зданию на окраине Танги «Огонь». На его решение открыть огонь по данному дому повлияло и то, что из данного дома неоднократно велось за их танковым полком наблюдение. Относительно конфликта с Багреевым Федоров признал, что ему было обидно, что так ошибся в человеке, и эти мысли как бы подтолкнули его к дальнейшим действиям.

Будучи допрошенным 26.12. 2000, Федоров сказал, что не согласен с тем, что разрушенный дом оценен в такую сумму – 150 тыс. руб. Данный дом до открытия по нему огня 26 марта был уже значительно разрушен по причине того, что в декабре 1999 года на окраине Танги шли массированные боевые действия между федеральными войсками и бандформированиями. До открытия огня ему было достоверно известно, что были случаи обстрела позиций их части из района этого дома.

---

¹² боевой товарищ, в звании капитана, также друг Буданова, также его заместитель по полку. – Прим авт.

¹³ промежуточный приказ. – Прим авт.

¹⁴ командный пункт. – Прим авт.

Между тем вина Буданова и Федорова в инкриминируемых им деяниях, помимо частичного признания ими своей вины, подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств.

ПОТЕРПЕВШИЙ КУНГАЕВ ВИСА УМАРОВИЧ, 19.04.1954 г р., женат, чеченец, агроном совхоза «Урус-Мартановский», отец Кунгаевой Эльзы Висаевны, показал следующее:

Эльза в семье была старшей среди детей. Кроме нее, в семье еще четверо детей. Эльза по характеру была очень скромная, спокойная, трудолюбивая, порядочная, честная. Вся работа по дому возлагалась на нее, так как его жена болеет и ей работать нельзя. По этой же причине уход за младшими был на Эльзе. Все свободное время проводила дома, по гостям не ходила, с мальчиками не общалась. Лиц мужского пола Эльза стеснялась. В интимные отношения с ними не вступала. Никаким снайпером дочь не была, ни в какие бандформирования не входила – это просто абсурд.

26.03.2000 он вместе с женой и детьми сходил на выборы¹⁵ и стал заниматься домашними делами. Жена стала собираться к своему брату Алексею в Урус-Мартан и около 15 часов уехала. С детьми он остался один.

Спать легли около 21 часа, т.к. не было света. Он отдыхал на диване в летней кухне. Около 0.30 27 марта он проснулся от гула боевой машины. Она остановилась напротив их дома. Он выглянул в окно и увидел, что к их дому направляются какие-то люди. Он позвал старшую дочь Эльзу и попросил быстро поднять всех детей, одеть и уводить из дома, сказав ей, что дом окружают военные. Он, Кунгаев, выбежав на улицу, побежал к брату, который проживал на расстоянии 20 метров.

В это время брат уже бежал ему навстречу и стал вбегать в дом через центральные ворота. Далее, со слов брата, ему известно, что, зайдя в дом, он увидел полковника Буданова – узнал его, так как ранее в газете «Красная звезда» была опубликована его фотография.

Буданов спросил: «Кто ты такой?». Адлан ответил, что брат хозяина дома. Буданов в грубой форме ответил брату: «Иди отсюда». Адлан выскочил из дома и стал кричать. Со слов детей, ему, Кунгаеву, стало известно, что далее Буданов приказал солдатам взять Эльзу. Она кричала. Завернув в плед, ее вынесли на улицу. В связи с этим происшествием сразу сбежались родственники и стали поднимать всех на ноги, чтобы найти дочь.

Обратился к главе администрации, к военному коменданту села и Урус-Мартановского района. Утром в 6.00 на машине приехали в Урус-Мартан¹⁶, чтобы принять меры к поиску дочери. К вечеру 27 марта 2000 года им стало известно, что Эльзу убили. По его, Кунгаева, мнению, Буданов похитил Эльзу, а затем изнасиловал, потому что она была красивой девушкой.

Свидетель Магамаев А.С. показал, что является соседом Кунгаевых. Семья жила бедно. Работали в основном в поле. Эльзу знал с рождения. Она росла застенчивой, со сверстниками мужского пола не общалась. Он может с уверенностью сказать, что Эльза никогда не участвовала в бандформированиях.

Следственным путем какую-либо причастность Кунгаевой Э.В. к незаконным вооруженным формированиям или ее участие в НВФ установить не удалось.

Допрошенный в качестве свидетеля Макаранов Иван Александрович, бывший военнослужащий в/ч 13206¹⁷, показал следующее. Вечером 26.03. 2000 комендантский взвод подняли по тревоге. Затем, по команде командира полка, личный состав комендантского взвода связал командира разведроты. Багреев, командир разведроты, лежал на земле. Буданов и Федоров

---

¹⁵ по иронии судьбы, это и был день выборов президента Путина. – Прим. авт.

¹⁶ райцентр. – Прим авт.

¹⁷ солдат. – Прим авт.

нанесли Багрееву по телу не менее трех ударов ногами каждый, все происходило очень быстро. После этого Багреева поместили в яму – так называемый зиндан.

Через некоторое время, когда уже стемнело, он услышал крики, стоны и вышел из палатки. Увидел, что в яме, куда поместили Багреева (палатка была на расстоянии 15-20 метров от зиндана), находятся Буданов и Федоров. Федоров наносил удары по лицу Багреева. Буданов находился рядом. Кто-то светил фонариком в яму, поэтому он все ясно видел. Затем Федорова кто-то вытащил из ямы.

До 2 ночи 27 марта он, Макаршанов, находился в палатке Федорова, подтапливал печь. Около 1 часа ночи слышал, как к КУНГУ Буданова подъехала БМП, и он из-за шторы палатки наблюдал за происходящим. Он видел, как к КУНГУ Буданова идут 4 человека (один из них был Буданов). Один нес на плече что-то типа свертка, по размеру подходящего под размер тела человека. Он, Макаршанов, видел, что из одного из концов свертка свисали длинные волосы, какие обычно бывают у женщин или девушек.

Тот, который нес сверток, открыл двери, занес сверток в КУНГ и положил на пол. В КУНГе в тот момент горел свет. Поэтому было видно. Буданов зашел в КУНГ. Расстояние от места, где он, Макаршанов, был (в палатке), до КУНГа Буданова – метров 8-10, не более. Все время, после приезда Буданова, возле КУНГа у него стояли три человека из экипажа его БМП.

Допрошенный в качестве свидетеля Мишуров Е.Г. – бывший военнослужащий в/ч 13206¹⁸ - показал, что заступил на дежурство в палатку начальника штаба в 2 часа ночи 27 марта. Видел, что возле КУНГа Буданова стояли два члена экипажа БМП Буданова. Около 3.30 БМП отъехала от КУНГа. Около 5.50 БМП вернулась в часть и встала недалеко от КУНГа.

Свидетель Кольцов Виктор Алексеевич показал, что проходил военную службу в в/ч 13206 по контракту с 1.02.2000. Ночью 26.03. 2000 заступил в караул часовым по охране ямы, где находился командир роты. На пост заступил около 23 часов. Ночью за пределы лагеря на БМП выезжал Буданов. Примерно через 30 минут БМП возвратилась в часть, метров за 100 от стоянки БМП Буданов крикнул водителю: «Выключай свет». БМП к КУНГУ подъехала с выключенными фарами. Затем услышал, как хлопнула задняя дверь на БМП, затем открылась дверь КУНГа. Когда сменился с поста и зашел в свою палатку, увидел истопника начальника штаба Макаршанова. Тот сказал, что «командир опять привез бабу».

Свидетель Сайфуллин Александр Михайлович показал, что проходил службу в в/ч 13206 с августа 1999 года¹⁹. С конца января 2000 года исполнял обязанности истопника в КУНГе у Буданова. Примерно около 5-5.15 27 марта он зашел в КУНГ командира, чтобы поддержать огонь в печи. Буданов лежал на правом лежаке, а не как обычно – на дальнем. Палас на полу был сдвинут и топорщился. Часы, которые висели над кроватью Буданова, стояли возле правой кровати, на полу, ближе к выходу. Штора, закрывавшая спальное отделение, была слегка отодвинута, и он увидел, что кровать Буданова была не застелена. Буданов спал. Около 7 утра он пришел в КУНГ, налил командиру ведро для умывания, Буданов сказал прийти в 7.15.

Командир сказал навести порядок в КУНГе и, головой показав на кровать, приказал поменять там одеяло и все белье. Он, Сайфуллин, приступил к уборке и заметил, что одеяло на кровати мокрое. Пятно было расположено примерно в 20 см от подножия, с края, прилегающего к стене. Приподняв одеяло, он обнаружил на простыне желтое пятно 15 см на 15 см. Он сменил белье. Затем Буданов дал ему час времени и приказал сделать в КУНГе капитальную уборку. Когда он забирал белье с дальнего топчана из КУНГа Буданова, то левый угол простыни был мокрым.

В ходе осмотра 27.03.2000 КУНГа, где проживал Буданов, установлено, что на дальней от входа кровати лежит матрац. Матрац мокрый, ближе к середине ощущается запах мочи.

---

¹⁸ *тоже солдат.* – Прим авт.

¹⁹ *тоже солдат.* – Прим. авт.

В ходе следствия изъяты постельное белье и одеяло с кровати из КУНГа Буданова. Белье приобщено к делу в качестве вещественного доказательства. При осмотре простыней на них обнаружены пятна желтого цвета.

Свидетель Герасимов Валерий Васильевич показал, что с 5 марта по 20 апреля 2000 года исполнял обязанности командующего группировкой «Запад». Утром 27.03 от коменданта Урус-Мартана ему стало известно, что ночью из Танги похищена девушка, подозрения падают на солдат. Он связался с командирами трех полков, в том числе и 160-го танкового Будановым, и приказал в течение 30 минут вернуть девушку. Сам вместе с генералом Вербицким Александром Ивановичем выехал сначала в 245-й полк, затем в 160-й.

В 160-м его встретил лично Буданов, сообщив, что в полку все в порядке, о девушке узнать ничего не удалось. Вместе с Вербицким поехал в Танги, где в тот момент собралось население. Из объяснения отца девушки следовало, что в деревню ночью приезжал полковник с солдатами на БМП, завернули девушку в плед и увезли. Они этого полковника знают – это командир танкового полка. Он и Вербицкий сначала не поверили этому. Вернулись в полк из деревни, Буданов отсутствовал. Он, Герасимов, приказал предпринять меры к задержанию Буданова.

(Необходимое пояснение: в Российских вооруженных силах действует правило, которое позволяет арестовывать военнослужащих только с разрешения и указания их вышестоящих командиров. Для Буданова таким командиром являлся только генерал Герасимов. В этом смысле можно утверждать, что делом Буданова как таковым мы обязаны именно генералу Герасимову. Если бы не его разрешение 27 марта 2003 года – а большинство командиров в Чечне не дают разрешений прокуратуре на арест своих подчиненных в случае совершения теми военных преступлений, всячески покрывая их, – дела Буданова как такового не существовало бы вообще. Для обстановки в зоне антитеррористической операции поступок генерала Герасимова можно решительно рассматривать как большую смелость, которая вполне ему могла стоить карьеры. Однако, так как дело приобрело большой общественный резонанс, в данном случае этого не произошло, и впоследствии генерал Герасимов был даже назначен командиром 58-й армии Вооруженных сил – то есть получил серьезное повышение по службе).

После задержания Буданов был доставлен в Ханкалу²⁰. Вечером этого же дня механик-водитель БМП (тот, который ездил в село) признался, что ночью 27 марта они привезли девушку, затащили ее в КУНГ к Буданову. Спустя часа два Буданов вызвал их, девушка была уже мертва. Буданов приказал забрать труп и закопать.

Утром 28.03 труп откопали, повезли в медсанбат, сделали экспертизу, обмыли и отвезли тело родителям.

Допрошенный свидетель Григорьев Игорь Владимирович показал, что 27.03. 2000, по прибытии в часть, Буданов приказал им занести девушку, завернутую в одеяло, в его КУНГ, а самим оставаться рядом с КУНГом и охранять его, чтобы никто не вошел. Сам Буданов остался в КУНГе вместе с девушкой. Минут через 10, как они вышли из КУНГа, оттуда были слышны женские крики, также был слышен голос Буданова, потом из КУНГа была слышна музыка. Женские вскрики еще некоторое время доносились из КУНГа.

В КУНГе Буданов был с девушкой около 1,5-2 часов. Где-то спустя 2 часа Буданов вызвал всех троих в КУНГ, где на кровати лежала голая женщина, которую они привезли, лицо ее было синюшного цвета. На полу было постелено покрывало, в которое заворачивали девушку, забирая ее из дома. На этом же покрывале кучей лежала ее одежда. Буданов приказал им вывезти женщину и закопать ее, чтобы никто не знал. Что они и сделали. Завернув тело в плед, они на БМП-391 вывезли девушку и захоронили тело, о чем утром 27 марта он, Григорьев, доложил Буданову.

---

²⁰ *главная военная база в Чечне.* – Прим авт.

Допрошенный 17.10.2000 Григорьев пояснил, что спустя минут 10-20 после их выхода из КУНГа Буданов стал кричать, что именно, он не слышал. Было также несколько вскриков девушки, вскрики, характерные для испуга. Когда по вызову Буданова они зашли в КУНГ, то увидели лежащую на топчане без признаков жизни обнаженную девушку. На ней не было никакой одежды. Она лежала на спине, лицом вверх. На полу лежало покрывало, на покрывале одежда девушки – трусы, кофта, еще что-то. На шее у девушки были синяки, как будто ее за горло душили. Буданов, показывая на нее, со странным выражением лица сказал: «Это тебе, сука, за Разамахнина и за ребят, что погибли на высоте».

Осмотром трупа Кунгаевой выявлены следующие повреждения: ссадины и кровоизлияния, расположенные на передней поверхности шеи в ее верхней трети, кровоизлияния в мягкие ткани шеи, синюшность, одутловатость лица, точечные кровоизлияния в кожу лица, конъюнктивы глаз, слизистую оболочку полости рта, под плевро и эпикард; кровоподтеки в правой подглазничной области, на внутренней поверхности правого бедра, рана на переходной складке конъюнктивы правого глаза, кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта и десны, верхней челюсти слева. Труп без одежды. Рядом с трупом обнаружена одежда: кофта шерстяная, вязаная. На спине кофта имеет разрывы (разрезы). Юбка х/б²¹, один боковой шов разорван; футболка желто-белая на спине разорвана (разрезана) по всей длине, бюстгальтер бежевого цвета, бретелька сзади разрезана (разорвана), трусы х/б, бежевые.

Заключением судебно-медицинской экспертизы трупа Кунгаевой Э.В. № 22 от 30.04.2000 установлено: обнаруженные на шее трупа повреждения прижизненного характера. Данные телесные повреждения возникли в результате сдавления шеи твердым предметом (ами) с ограниченной поверхностью. Данные повреждения могли образоваться в срок и при обстоятельствах, указанных в описательной части настоящего постановления. Причиной смерти Кунгаевой явилось сдавление шеи тупым твердым предметом, повлекшее развитие асфиксии. Обнаруженные на трупе Кунгаевой кровоподтеки (на лице, левом бедре), кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта, рана правого глаза образовались от воздействия тупого твердого предмета (ов) с ограниченной поверхностью. Видом повреждающего действия был удар. Указанные повреждения образовались прижизненно и могли образоваться в срок и при обстоятельствах, указанных в описательной части настоящего постановления.

Допрошенный в качестве свидетеля следователь военной прокуратуры капитан юстиции Симухин Алексей Викторович показал, что 27.03.2000 он получил указание привести Буданова на взлетную площадку в/ч 13206 для транспортировки последнего в Ханкалу.

В пути следования Буданов был очень возбужден, интересовался у него, как ему быть, что говорить, что делать. Утром 28.03.2000 он, Симухин, в составе следственной группы выехал для проведения следственных действий с участием свидетеля Егорова по обнаружению трупа Кунгаевой. Егоров самостоятельно указал место, где была захоронена Кунгаева. Хочу отметить, что место захоронения было очень тщательно замаскировано, скрыто дерном, и если бы Егоров не указал, где захоронена потерпевшая, то визуально это место на тот момент обнаружить было невозможно. Труп в могиле находился в полусидячем положении, как будто «эмбрион в утробе женщины», труп был абсолютно голый.

ПОТЕРПЕВШИЙ БАГРЕЕВ РОМАН ВИТАЛЬЕВИЧ, 12.02.1975 г.р., уроженец г. Никополь Днепропетровской обл., УССР²², заместитель начальника штаба танкового батальона в/ч 13206, старший лейтенант, показал следующее.

С 1.10.1999 в составе 160-го полка принимал участие в контртеррористической операции. Каких-либо личных счетов с Будановым и Федоровым у него не было.

---

²¹ хлопчатобумажная. – Прим авт.

²² Украина. – Прим авт.

20.03.2000 разведрота прибыла из села Комсомольского в село Танги. В полку был объявлен конкурс среди подразделений, у какой роты лучше порядок и бытовые условия. Первое место занял зенитный дивизион. Федоров не согласился с результатами и заверил всех, что разведрота все равно лучше всех. Чтобы убедить в этом Буданова, 26 марта Федоров настоял на том, чтобы была проведена проверка расположения роты.

После 18 часов в расположение прибыли Буданов, Федоров, Силиванец, Арзуманян²³. Буданов был в нетрезвом состоянии, однако полностью себя контролировал. Федоров был очень сильно выпивши, разговаривал нечетко, пошатывался. Федоров стал уговаривать Буданова проверить боеготовность роты. Трижды или даже больше Буданов отказывал Федорову, но тот продолжал настаивать. Буданов уступил требованиям Федорова и дал ему команду «В ружье, к бою».

Он, Багреев, сразу же побежал в сторону окопов роты. Федоров – вслед за ним. Машины вышли на огневой рубеж. Буданов находился у узла связи. Ему было известно, что в каждой машине на линии досылания на лотке всегда лежит выстрел с осколочной гранатой. В тот момент никаких оснований для открытия огня по селу, кроме приказа Федорова, не было.

После того как БРМ²⁴ заняли позиции, он подал команду экипажам разрядить осколочный выстрел, зарядить кумулятивный заряд и произвести один выстрел поверх домов. При производстве выстрела вверх таким снарядом он, не встретив препятствия, самоуничтожается. Осколочный заряд самоликвидатора не имеет. Пока экипажи производили замену снарядов, произошла заминка.

Машина № 380 произвела выстрел вверх, поверх домов села. Федоров увидел это, лично запрыгнул на вторую машину БРМ, дал команду наводчику стрелять по Танги. Будучи неудовлетворенным его, Багреева, действиями, Федоров стал его хватать за одежду, нецензурно оскорблять. Багреева вызвал Буданов. Прибыв к узлу связи, там был и Буданов, и Федоров. Они избили его.

Осмотром установлено, что на юго-западе от штаба в/ч 13206 на расстоянии 25 метров от КП²⁵ полка на момент 27.03.2000 имелась яма, поверх которой положены три доски обрезных. Яма представляет собой углубление в земле: длина – 2,4 м, ширина – 1,6 м, глубина – 1,3 м. Стены ямы выложены кирпичом, дно ямы – земля.

(Необходимое пояснение: в деле Буданова – именно то, что вы только что прочитали, – содержится первое в России юридическое описание так называемого зиндана – широко распространенных во вторую чеченскую войну специальных пыточных ям, имеющих почти в каждой военной части на территории Чечни. Их используют, как правило, для содержания арестованных чеченцев, а также провинившихся солдат. Куда реже – офицеров младшего состава).

СВИДЕТЕЛЬ ПАХОМОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ, рядовой, показал, что 26.03. 2000 года около 20 часов Федоров кричал на Багреева: «Я научу тебя, щенок, выполнять мои приказы». В адрес Багреева сыпались отборные ругательства и оскорбления. Было очень дико смотреть на все происходящее. Поступила команда Федорова связать Багреева и посадить в яму. Ранее в полку имели место случаи, когда взвод связывал пьяных контрактников, а затем их сажали в яму, но чтобы такое происходило с командиром разведроты – это было необъяснимо.

Примерно через час взвод был вновь вызван Будановым по тревоге. Когда прибыли, Багреев уже находился на земле. Буданов и Федоров вновь стали избивать Багреева. После этого по команде Буданова Багреев был снова связан и помещен в яму. Затем к Багрееву спрыгнул Федоров и стал избивать Багреева в яме. Багреев в это время кричал и стонал в яме. В яму спрыгнул Силиванец и вытащил оттуда Федорова. Около 2 часов он, Пахомов, находясь

²³ офицеры танкового полка. – Прим. авт.

²⁴ боевой расчет машины. – Прим. авт.

²⁵ командного пункта. – Прим. авт.

в палатке, слышал автоматную очередь. Как ему стало известно, это стрелял Суслов, чтобы образумить Федорова, который пытался пройти к Багрееву.

Уголовное дело по обвинению Григорьева Игоря Владимировича, Ли-ен-шоу Артема Ивановича, Егорова Александра Владимировича в заранее не обещанном укрывательстве убийства Кунгаевой, совершенного Будановым, в совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, прекращено вследствие амнистии.

Согласно заключению стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, по своему психическому состоянию Буданов в период инкриминируемого ему деяния в отношении Багреева в каком-либо временном, болезненном расстройстве психической деятельности, в состоянии патологического или физиологического аффекта не находился. В момент убийства Кунгаевой Буданов находился в кратковременном, преходящем ситуационно обусловленном психоэмоциональном состоянии кумулятивного аффекта, не мог в полной мере осознавать фактический характер и значение своих действий и осуществлять их произвольную волевою регуляцию и контроль.

НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

БУДАНОВ Юрий Дмитриевич, ФЕДОРОВ Иван Иванович.

Заместитель военного прокурора Северо-Кавказского военного округа полковник юстиции Ахмедов Ш.М.

Суд

Дальше дело Буданова перебралось в суд. Было это летом 2001 года. Первым судьей, рассматривающим то, что совершил Буданов, оказался полковник Виктор Костин, судья военного суда Северо-Кавказского округа, находящегося в Ростове-на-Дону, там же, где и штаб Северо-Кавказского военного округа, как у нас говорят, «воюющего в Чечне». В Ростове-на-Дону очень велико влияние военных на всю жизнь города. Тут находится главный военный госпиталь, через который прошли тысячи искалеченных раненых военных из Чечни. Здесь живут семьи многих офицеров, находящихся в Чечне. Можно сказать, что в каком-то смысле этот город – прифронтовой. И это обстоятельство сыграло большую роль в судебном развитии дела Буданова. Пикеты и митинги у стен суда – в защиту Буданова, с лозунгами «Судят Россию!» и «Свободе герою России!» – были постоянным общественным аккомпанементом процесса.

Первая порция судебных заседаний шла больше года – с лета 2001-го по октябрь 2002 года. Причем происходило все совсем не с точки зрения «прав-виноват», а исключительно в манере «отбеливания» Буданова от всех грехов и преступлений. Судья Костин на протяжении всего времени заседаний демонстрировал свою откровенную пробудановскую пристрастность, отменял ВСЕ ходатайства со стороны потерпевших Кунгаевых, отказывал ВСЕМ свидетелям, которые могли бы что-либо сказать «против» Буданова. Было отказано даже в допросе генералов Герасимова и Вербицкого – на том основании, что они дали разрешение арестовать полковника-убийцу.

Прокурор в этот период также откровенно выступал на стороне подсудимого, фактически являясь его адвокатом, хотя обязанность прокурора, как известно, – защищать интересы жертвы.

Так это было внутри суда, так и снаружи. Общественное мнение в целом (митинги у здания суда с красными коммунистическими флагами, цветы Буданову, когда его вводили в здание суда перед началом очередного заседания) оказалось на стороне полковника. Руководство Министерства обороны (публичные выступления министра Сергея Иванова о том, что «Буданов, безусловно, не виноват») – тоже.

Идеологическая база для «отбеливания» Буданова от грехов была выбрана следующая: да, он совершил преступление, но он **ИМЕЛ ПРАВО** его совершить, **ИМЕЛ ПРАВО** так поступить с Эльзой Кунгаевой на том основании, что мстил на войне противнику и поскольку счи-

тал девушку снайпершей, виновной в гибели офицеров полка в феврале 2000 года, во время тяжелых боев в Аргунском ущелье. Мстить «врагам», поясняли участники процесса, именуя «врагами» чеченцев, – это справедливо и праведно...

У семьи Кунгаевых с самого начала заседаний обнаружились серьезные проблемы с адвокатами. Семья – очень бедная, многодетная, безработная, вынужденная перебраться в палатку, в беженский лагерь на территории Ингушетии, после трагической гибели старшей дочери от рук полковника, опасаясь мести со стороны военных за то, что обратились в суд (им угрожали неоднократно). Поэтому защитников у них просто не оказалось. И тогда правозащитный центр «Мемориал» (базируется в Москве, но имеет филиал в Ростове-на-Дону) сам нашел адвокатов и долгое время осуществлял их пусть минимальную, но все-таки оплату.

Первым адвокатом, вступившим, таким образом, в дело, был Абдула Хамзаев, старейший чеченский юрист, давно живущий в Москве, к тому же дальний родственник Кунгаевых. Надо сказать, что его защита долгое время не была эффективной – скорее даже наоборот. И сам Абдула Хамзаев в этом не виноват. Просто наше общество, увы, развивается, как расистское, оно не доверяет выходцам с Кавказа, а тем более из Чечни, ни на йоту. Толку от пресс-конференций, собираемых Хамзаевым в Москве для того, чтобы рассказать, как тяжело движется дело в военном суде Ростова-на-Дону, не было никакого – журналисты не доверяли тому, что он говорит, и поэтому общественной кампании в защиту Кунгаевых не получалось... А в ней, единственной, и было спасение судебных перспектив политического дела, которое стопорилось, едва начавшись...

И тогда «Мемориал» пригласил, в помощь к Хамзаеву, молодого московского адвоката Станислава Маркелова, члена Межреспубликанской коллегии адвокатов (кстати, это та же коллегия, в которой состоят адвокаты Буданова). Из крупных дел, которые Маркелов вел до этого и чем привлек внимание «Мемориала», – это первые в России дела по обвинению в терроризме и политическом экстремизме (взрывы памятников императору Николаю Второму под Москвой, попытка взрыва памятника Петру Первому, убийство скинхедами граждан России афганской национальности).

Маркелов – русский, и тогда это было принципиально. Выбор «Мемориала» был правильным, потому что дальше именно Маркелову, благодаря его энергичности, и правильно избранной тактике и манере общения с прессой впоследствии удалось привлечь к процессу большое общественное внимание, прежде всего журналистов в Москве, российских и иностранных, освещающих жизнь России. Это сыграло принципиальное поворотное значение для развития всего дела Буданова.

Но вот свидетельства адвоката Станислава Маркелова о том, что он увидел в суде, только вступив в дело (в этот момент процесс был фактически закрытым, присутствие журналистов запрещалось):

– Обстановка в зале была такова, что суд очень спешил, не желал углубляться ни в одну из наших просьб, отметал все, что может быть истолковано против Буданова. Только – в его защиту, в поддержку линии его защиты. А все наши ходатайства – например, о вызове «наших» свидетелей, о привлечении экспертов, о назначении независимых экспертиз – полностью не принимались во внимание. Мне казалось, судья Костин их даже не читает... Потому что какие бы ни были ходатайства – все скопом возвращали нам с отказом. А это по более чем десятку ходатайств в день.

– А почему ходатайств было так много? Зачем вы тоже дразнили суд, заваливали его таким их количеством? Разумна ли подобная адвокатская линия?

– Причина была проста: суд допускал нарушение за нарушением, и мы, как адвокаты, обязаны были реагировать. Ну, например, откуда взялось такое количество ходатайств? И откуда все эти люди, которых мы просили пригласить в суд для дачи показаний со стороны потерпевших? И почему вокруг, по крайней мере, двух из них, развернулась такая бешеная борьба –

и суд делал все, чтобы свидетели никогда не оказались допрошены? Напомню обстоятельства дела: накануне совершения преступления – 26 марта 2000 года, днем – Буданов вместе с другими офицерами, как на следствии показал и он, и офицеры, задержал в селе двоих чеченцев, и один из них якобы указал на тот дом, где, как утверждает Буданов, жила семья, поддерживавшая террористов или члены которой сами являлись террористами. Фамилии информаторов в материалах дела значились – их не скрывали. Мы, защита, стали выяснять, кто же эти люди, которые ввели Буданова в заблуждение, показав на дом Кунгаевых? Если, конечно, все это было и они вообще вводили его в заблуждение? Наша позиция была понятна: пусть эти люди придут в суд и скажут, почему они это сделали? И вот тут-то и начались странности... Мы выяснили: один «информатор» – ГЛУХОНЕМОЙ. То есть физически он просто не мог СЛЫШАТЬ вопроса Буданова о том, кто в селе Танги-Чу – снайперша. И также физически ничего не мог ему ответить. Заметьте, в материалах дела утверждается, что этот глухонемой информатор именно «рассказал» обо всем Буданову!...

– А другой информатор?

– Его было еще проще найти. Дело в том, что 26 марта, после встречи с Будановым, этого второго информатора и полковника – конечно, совершенно случайно, вместе сфотографировали корреспонденты военной газеты Министерства обороны «Красная звезда». Именно в тот день корреспонденты работали в селении Танги-Чу. И одиннадцать их снимков из Танги-Чу – теперь часть уголовного дела. Так решила военная прокуратура, проводившая предварительное следствие. Это значит: человека можно всегда отыскать по фотографиям, и тогда тот, кто на фотографии, подтвердит суду, что в тот роковой вечер Буданов ехал в село Танги-Чу пленить террористов... Мы размышляли именно так – согласитесь, это важно и принципиально. Но дальше также начались недоразумения и непонятности: мы внимательно изучили фотографии, которые предоставили корреспонденты «Красной звезды», и оказалось, что дата съемки на них – 25 марта, а не 26-е, на чем настаивал Буданов в подтверждение своей версии (таковы материалы предварительного следствия). Напомню, что якобы именно 26-го днем информаторы сказали Буданову о «снайпершах», и он, желая отомстить за убитых товарищей, будучи на нервном взводе от только что сообщенного ему, поехал «брать снайпершу». Он еле терпит, чтобы дождаться вечера, сильные чувства захватывают его полностью и дальше, движимый ими, уже признанными к тому моменту судмедэкспертизой праведными, расправляется со «снайпершей», как с врагом, мстя за погибших товарищей, по законам военного времени... Однако если оказывается, что информаторы сообщили Буданову обо всем еще 25-го, то о каких спонтанных реакциях – чувствах, захлестнувших полковника полностью и оправдывающих его поведение, – можно говорить?... Есть свидетели, что и 25-го целый день, и 26-го до середины дня, когда в полку началась офицерская пьянка, организованная Будановым по случаю дня рождения его маленькой дочери, полковник был спокоен. И никакой снайперше мстить не собирался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.